

КОПИТОН
ЧЕХОВИЧ

Задание
выполнить!

Kapitan Czechowicz wykonał zadanie

WYDAWNICTWO
MINISTERSTWA OBRONY NARODOWEJ
WARSZAWA — 1971

КАПИТАН ЧЕХОВИЧ ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНИЛ!

ОЧЕРКИ И РЕПОРТАЖИ О РАБОТЕ
ПОЛЬСКОГО РАЗВЕДЧИКА
КАПИТАНА АНДЖЕЯ ЧЕХОВИЧА В ФРГ

*Перевод с польского
П. Костинова и Н. Кириллова*

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1972

Капитан Чехович задание выполнил!
К20 Очерки и репортажи. Перевод с польского П. Костикова и К. Кириллова. М., Воениздат, 1972.

144 стр.

В сборнике очерков и репортажей польских журналистов рассказывается о работе разведчика Анджея Чеховича, который по заданию командования действовал в центральном аппарате радиостанции «Свободная Европа».

Книга разоблачает подрывную деятельность империалистических разведок против СССР и других социалистических стран.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В марте 1971 года на страницах советской и зарубежной печати появилась интересная информация Польского агентства печати. Она сразу привлекла внимание широких читательских кругов. В ней рассказывалось о молодом польском офицере-разведчике, который по заданию командования проник в антисоветский центр в Мюнхене — на радиостанцию «Свободная Европа», длительное время работал там в качестве сотрудника и после выполнения поставленной перед ним задачи возвратился на родину — в Польскую Народную Республику.

Обо всем этом подробно повествует предлагаемая читателю книга «Капитан Чехович задание выполнил!». Она была выпущена издательством Министерства Национальной обороны ПНР и с небольшими сокращениями переведена на русский язык.

Изучая методы и формы работы центров идеологических диверсий, и прежде всего пресловутой радиостанции «Свободная Европа», а также входящих в нее отдельных звеньев разведки ведущих империалистических стран, использующих в этих целях различных отщепенцев и предателей родины, капитан А. Чехович собрал интересный материал, убедительно раскрывающий провокационный характер

антисоциалистической деятельности и пропаганды «Свободной Европы».

В настоящее время реакционные империалистические круги в борьбе против мирового социализма все большую ставку делают на идеологическое оружие. «Мы живем, — говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС, — в условиях неутихающей идеологической войны, которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда». Ее организаторами и вдохновителями выступают реакционные круги империализма с их программой подрывных акций, именуемой «психологической войной». Стремясь привнести ее методы во внешнюю политику, дипломатию, экономику, общественные контакты, они используют в подрывных, контрреволюционных целях международные и национальные политические организации Запада, печать, радио, телевидение. Активная роль в операциях «психологической войны» отводится и органам разведки. Здесь предусмотрен целый комплекс идеологических диверсий, шпионаж, создание подпольных групп, акты экономического саботажа, засылка в прогрессивные организации осведомителей и провокаторов и т. п.

Объектом «психологической войны» являются в первую очередь страны социализма. Главная цель «психологической войны» — с помощью самых разнообразных форм и методов, путем распространения идеологии антикоммунизма и антисоветизма, пропаганды принципов буржуазной морали добиться идеологического разоружения советских людей и трудящихся социалистических стран. Организаторы «психологической войны» видят свою первостепенную

задачу в том, чтобы ослабить моральный потенциал социалистических стран, затормозить распространение идей социализма в мире, защитить капитализм, создать предпосылки для реставрации в странах социализма буржуазного строя. Если учесть, что в нашу эпоху соотношение сил на международной арене коренным образом изменилось в пользу социализма и что теперь империализм не может уже действовать безнаказанно, становится ясно, сколь значительно возросла роль средств «психологической войны», идеологических диверсий в борьбе против народов социалистических и развивающихся стран.

Потерпев крупные провалы во внутренней и внешней политике, империализм наряду с авантюрами в военно-политической области все больше усилий направляет на подрывную политическую и идеологическую деятельность. В этих целях широко используются многие международные антикоммунистические организации, финансируемые монополиями через различные «фонды», а также всяческие сборища эмигрантов, изменников родины, антисоветски и антисоциалистически настроенных перемещенных лиц и т. д.

Убедившись, что лобовые атаки на социализм и коммунистическую идеологию не принесли желаемых результатов, организаторы «психологической войны» сменили тактику и, положив в ее основу доктрину «мирного проникновения» и «наведения мостов», все свои усилия направили на подрыв единства социалистических стран. Теперь враги коммунизма все чаще надевают на себя маску «доброжелателей» и «советчиков» народов социалистических стран. Они уже не

призывают открыто к уничтожению социалистического строя, а разглагольствуют о его «демократизации», «модернизации», о необходимости лишить компартии их руководящей роли в социалистическом строительстве.

Используя современные средства массовой информации, идеологи «психологической войны» весьма активно рекламируют буржуазные «свободы», идею «внеклассовости» демократии, призывают к «мирному сосуществованию» различных идеологий в расчете на идеологическое разоружение социализма. Вместе с тем они всячески фальсифицируют и принижают достижения социалистических стран в экономике, культуре, образовании, в развитии подлинно народной демократии, нападают на содружество социалистических государств, и прежде всего на страны — участницы Варшавского Договора, разжигают национализм, поддерживают ревизионистские элементы и течения. Все это особенно наглядно проявилось в период атаки империализма и внутренней контрреволюции на социалистические завоевания в Чехословакии в 1968 году.

Иными словами, идеологи «психологической войны» делают все для того, чтобы притупить классовое самосознание трудящихся социалистических стран, открыть дорогу мелкобуржуазной психологии и на этой основе добиться «эрозии» социалистического общества, подорвать его изнутри и реставрировать капитализм.

Тщательно дифференцируя свою деятельность, идеологи «психологической войны» разрабатывают планы диверсий по каждой социалистической стране, более того — по каждой группе населения. При этом основное внима-

ние уделяется творческой интеллигенции, молодежи и военнослужащим. Выискивая и поддерживая отдельных политически незрелых лиц, не гнушаясь прямым подлогом, поднимая на щит идейно порочные и чуждые нам по духу «произведения» и их авторов, буржуазные диверсанта от пропаганды из кожи вон лезут, чтобы угодить и услужить своим империалистическим хозяевам.

Публикуемая книга наглядно и убедительно разоблачает ту коварную роль, которую играют различные центры идеологических диверсий, радиостанция «Свободная Европа» в особенности. Репортажи и очерки об Анджее Чеховиче на конкретных фактах показывают, что в действительности представляет собой эта реакционная организация.

Авторы раскрывают всю кухню, всю подноготную этой фабрики лжи, ежедневно ведущей разнузданную пропаганду против социалистических стран, отравляющей международную атмосферу, препятствующей нормализации обстановки в Европе.

Репортажи, включенные в книгу, — это показания очевидца. Капитан Чехович все видел, пережил и прочувствовал лично. Это позволяет ему неотразимо верно, до мельчайших подробностей характеризовать сборище различного рода эмигрантского отребья. Перед читателем предстают отщепенцы, лишённые каких-либо идеалов и элементарных моральных устоев, готовые на любую подлость, лишь бы за нее хорошо платили.

Чехович хорошо передает царящую в «Свободной Европе» атмосферу зависти и карьеризма, грубости, озлобленности и культа чистогана.

Знакомясь с методами провокационной деятельности «Свободной Европы», нельзя не видеть, насколько разветвлены ее щупальца, как скрупулезно собирается, систематизируется и изучается тенденциозно-антисоциалистическая информация, которая затем с помощью различных махинаций трансформируется в лживые и провокационные радиопередачи. Перед читателем проходит галерея различных типов, начиная от «боссов» и кончая озлобленными эмигрантами — «столона начальниками» и так называемыми «корреспондентами».

Особенно тягостное впечатление оставляют страницы книги, где рассказывается о порядках и нравах в так называемых лагерях для беженцев, методах проверки «на лояльность» попавших туда людей. Авторы постоянно возвращаются к этому вопросу и приходят к выводу, что после всего там пережитого, человек перестает бояться даже тюрьмы.

Диверсионные идеологические центры империализма, в том числе и «Свободная Европа», всячески пытаются изобразить себя «свободными» и «независимыми» организациями, дающими «правдивую» информацию. Приводимые в книге факты еще раз неопровержимо разоблачают всю фальшь подобных заявлений.

Восемь лет провел Анджей Чехович во враждебном стане. И все эти годы его самым надежным маяком была любовь к родине — народной Польше, преданность делу социализма, ненависть к классовым врагам. Это позволило ему в сложных условиях успешно выполнить возложенные на него задачи.

Предлагаемая читателю книга — это еще одно напоминание о необходимости соблюдать вы-

сокую бдительность перед лицом идеологических диверсий империализма. Книга показывает, сколь коварны и хитры формы и методы враждебной пропаганды, сколь недопустимо малейшее ослабление нашей воспитательной работы в духе идей и принципов марксизма-ленинизма и интернационализма.

Книга о том, что видел и пережил Анджей Чехович, несомненно, привлечет внимание наших читателей.

Януш Кольчиньский

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАПИТАНА

Осенью 1962 года в западногерманскую полицию в Кельне явился молодой человек, лет двадцати с лишним. Это был Анджей Чехович. Он возвращался из туристской поездки по Великобритании и задержался в ФРГ по «дружескому» совету некоторых лиц из эмигрантских кругов в Лондоне, с которыми там познакомился. Чехович заявил, что решил «избрать свободу», а потому не возвратится в Польшу и останется на взлелеянном в его мечтах Западе. Знакомые из Лондона посоветовали ему сделать свое заявление именно в ФРГ, так как там возможность получить политическое убежище — дело относительно простое.

Вначале новый «искатель свободы» был определен в лагерь для беженцев в Цирндорфе. Начались длительные, продолжавшиеся четыре месяца мучительные допросы, в ходе которых им поочередно занимались представители различных разведок — американской, западногерманской, английской, пытаясь выжать из него интересующие их сведения. Условия, в которых на данном этапе живут беженцы, ничем не напоминают те, что показывают в голливудских фильмах. Совсем наоборот. Бараки-клоповники с комнатами на семь-восемь человек, где имеются лишь примитивные нары да грубошерстное

одеяло вместо постели. Скучная, как правило один раз в день, горячая пища и практически никакой медицинской помощи. Такова в двух словах картина условий жизни в Цирндорфе.

Четыре месяца в Цирндорфе, затем пересыльный лагерь в Мюнстере, и наконец Чехович получает право на «свободу» — ему предоставляется политическое убежище. Однако «свобода» с паспортом иностранца в ФРГ это не больше, чем свобода оказаться на улице, и то только, если разведывательные службы признают, что данный беженец ими полностью «высосан» и в дальнейшем для них не будет иметь никакой ценности. Именно в таком положении оказался Чехович. Чтобы не умереть с голоду, он взялся за первое же попавшееся дело — пошел служить в охранную роту Британской рейнской армии. Здесь эмигранты за скудную плату выполняли различные вспомогательные работы, которые считались недостойными английского солдата.

Но Чеховичу повезло. Еще в лагере для беженцев с ним установили связь представители радиостанции «Свободная Европа», имеющие доступ к политическим эмигрантам на тех же правах, что и представители разведывательных служб. Чехович заинтересовал деятелей из «Свободной Европы». Молодой, способный выпускник исторического факультета Варшавского университета выгодно отличался от остальной массы беженцев, в которой преобладали различные разложившиеся элементы, а зачастую просто уголовники. Контакты «Свободной Европы» с Чеховичем принимают регулярный характер, и, наконец, решается вопрос о принятии его на работу в одну из служб радиостан-

ции. Однако прежде чем это произошло, Чехович вынужден был ждать, пока американская контрразведка, используя свои каналы, соберет о нем детальные данные. Ведь как-никак его принимали на работу в учреждение, непосредственно подчиненное Центральному разведывательному управлению США. Чеховичу сопутствовала больше чем удача. В апреле 1965 года он вошел в здание радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене, имея в кармане удостоверение сотрудника департамента анализа и исследований Восточной Европы, то есть его зачислили в ту ячейку «Свободной Европы», которая выполняет специальные функции и в которой работают наиболее доверенные люди.

Но пора открыть карты...

...10 марта 1971 года на пресс-конференции в Варшаве офицер польской разведки капитан Анджей Чехович, возвратившийся на родину после выполнения задания, представил иностранным корреспондентам и польским журналистам факты и документы, свидетельствующие о диверсионной и шпионской деятельности радиостанции «Свободная Европа».

Да, капитан Анджей Чехович — это тот самый молодой человек, о котором мы коротко рассказали во вступительной части очерка. Использование существующей на Западе практики по отношению к политическим беженцам, «избрание свободы», постепенное вращение в эту роль — все это фрагменты плана, детально разработанного польской разведывательной службой. План ставил целью организовать наблюдение за деятельностью западных центров идеологической диверсии и, если окажется возможным, проникнуть в один из них. Выполнить

это сложное задание было доверено молодому, хорошо подготовленному офицеру разведки Анджею Чеховичу.

Мужество, самопожертвование и идейность, хладнокровие и самообладание, высокое профессиональное мастерство позволили Анджею Чеховичу успешно выполнить поставленную задачу в полном объеме. Несколько лет офицер польской разведки был сотрудником мюнхенского главного штаба радиостанции «Свободная Европа», причем работал, как уже отмечалось, на одном из самых ее важнейших участков. Следует добавить, что сотрудники департамента анализа и исследований Восточной Европы считаются одновременно сотрудниками Центрального разведывательного управления и к ним при приеме предъявляются более высокие требования, чем к сотрудникам других подразделений «Свободной Европы». Чиновники американской контрразведки, проверявшие Чеховича, могут теперь себя поздравить...

В чем же заключается работа в области исследований и анализа? По существу, она охватывает два аспекта: официальный, который состоит в подготовке документации для радиопропаганды (так она представлена в официальных опубликованных отчетах радиостанции «Свободная Европа»), и неофициальный. Именно второй — самый значительный и важный, так как он включает планирование разведывательной деятельности, которую ведет «Свободная Европа» параллельно с пропагандистско-диверсионной работой, а также отбор и анализ добытого шпионского материала. Этими вопросами в «Свободной Европе» занимаются два департамента.

Департамент анализа и исследований Восточной Европы держит в поле зрения так называемые целевые страны, то есть те социалистические государства, против которых направлена идеологическая диверсия радиостанции «Свободная Европа». Этот департамент, в свою очередь, делится на так называемые «национальные» отделы: польский, чехословацкий, венгерский, румынский и болгарский.

Департамент исследований коммунистического мира занимается проблемами, касающимися других стран социалистического содружества. В его состав входят подразделения по различным областям жизни СССР, Албании, Югославии, ГДР, в том числе по проблемам сельского хозяйства, положению в неправящих партиях социалистических стран и т. д.

Оба департамента прежде всего систематизируют и анализируют разведывательный материал. Обеспечение радиоотделов необходимой документацией имеет в их работе второстепенное значение. По словам капитана Чеховича, в радиоотделы попадает в среднем не больше 15—20% тех материалов, которые разрабатываются департаментом исследований и анализа. При этом среди подобного рода материалов разведывательные данные отходят на второй план. Преобладающая часть продукции департамента передается непосредственно хозяевам радиостанции «Свободная Европа», то есть Центральному разведывательному управлению США. Капитан Чехович отметил также, что доступ к таким материалам имеет и разведка ФРГ.

Материалы поступают в мюнхенский центр из различных источников. Прежде всего их

поставляют отделения «Свободной Европы», размещенные во всех центральных городах Западной Европы. На них работают специально подготовленные агенты, задача которых — войти в доверие к туристам, студентам и стажерам из социалистических стран, а также к различным лицам из этих стран, приезжающим по служебным делам в Западную Европу. Задача агентов — выуживать любую информацию, которая может иметь разведывательное значение. Они пускают в ход самые различные методы, часто используя наивность и болтливость некоторых людей. Как правило, агенты скрывают свою принадлежность к «Свободной Европе», представляясь обычно эмигрантами, жаждущими контактов с соотечественниками. Встречаясь же с различными разложившимися элементами, агенты прибегают к открытой купле информации, не брезгуя также провокациями и шантажом. «Корреспонденты» радиостанции «Свободная Европа» буквально охотятся за своей добычей во всех лагерях для перемещенных лиц и эмигрантов.

Имеются и другие источники информации. На пресс-конференции в Варшаве капитан Чехович сообщил, что ему удалось расшифровать и изучить большинство таких источников. К их числу относятся прежде всего материалы, предоставляемые, например, некоторыми западными корреспондентами, аккредитованными в Польше, и различными гражданами западных государств, приезжающими под разными предлогами в Польшу. Источником информации, по словам Чеховича, служат также люди, которые забыли о том, что они — граждане социалистической Польши. Кроме того, важным каналом

для «Свободной Европы» является «обмен» с так называемым Центром документации в Вене, которым руководит пресловутый сионистский деятель Визенталь, использующий свои специфические связи для сбора шпионской информации.

Донесения и разного рода анкеты, поступающие в центр «Свободной Европы», тщательно анализируются, сверяются с другими источниками, а затем сортируются и систематизируются. Содержащиеся в них сведения дополняются другими материалами, получаемыми в результате внимательного изучения официальных источников — печати, книг, передач радиостанций социалистических стран и т. д. Разведка радиостанции «Свободная Европа» пользуется в своей работе принятым на вооружение американской разведкой так называемым мозаичным методом. Он состоит в том, чтобы в целях широкого ознакомления с проблемой и получения полной картины дополнять официальную информацию конфиденциальной. При такой системе любой отдельно взятый факт на первый взгляд может показаться ничтожным, но в конечном счете приобретает существенное значение и способствует составлению полной картины.

Нет нужды подчеркивать, что департамент анализа и исследований — это предмет особого внимания со стороны американского руководства «Свободной Европы». Не случайно во главе двух указанных выше департаментов стоят кадровые чиновники Центрального разведывательного управления США (причем высокого ранга). Департаментом анализа и исследований в период, когда там работал Чехович, поочередно

руководили полковники Ричард Кук (ныне занимающий пост заместителя политического директора радиостанции «Свободная Европа») и Джеймс Браун. Департамент исследований коммунистического мира возглавляет Сэмюэль Лион, тоже офицер Центрального разведывательного управления. Весьма интересен и характерен также эмигрантский состав этих департаментов. Так, например, польским отделом руководит некий К. Заморский. Еще перед второй мировой войной он был агентом так называемой «двойки» (второй отдел генерального штаба буржуазной Польши, занимавшийся разведкой), позже был чиновником разведки в корпусе генерала Андерса, а затем его приняли на службу в Центральное разведывательное управление США.

И вот в самом сердце этой машины очутился офицер польской разведки. Через его руки проходили материалы, помеченные грифами «Совершенно секретно», «Секретно», «После прочтения уничтожить» и т. д. Он имел доступ к таким разделам архива, которых многие сотрудники «Свободной Европы» вообще не видели. Благодаря этому у Чеховича были исключительные возможности для ознакомления с наиболее существенными деталями деятельности всего аппарата радиостанции «Свободная Европа», установления источников шпионской информации и т. д. Однако использовать достигнутое положение было не просто. Как для того, чтобы проникнуть в редакцию «Свободной Европы», понадобились выдержка, осмотрительность, огромное нервное напряжение, так и уже работая там, необходимо было постоянно проявлять все свое искусство разведчика. Приходилось все

время рисковать, ибо в самой «Свободной Европе» имеется широко разветвленная и тщательно законспирированная служба контрразведки. Не забыта даже такая деталь: все дверные замки запираются только извне. Следовательно, никто не может запереться в комнате, а поэтому должен работать с сознанием того, что в любую минуту войдут...

Работая исследователем в польском отделе, Чехович также имел возможность хорошо ознакомиться с диверсионно-пропагандистской деятельностью радиостанции «Свободная Европа». Он участвовал во многих совещаниях по программам передач, планированию пропагандистско-диверсионных мероприятий и т. п. Ему удалось изучить весь механизм, при помощи которого американцы руководят персоналом из числа эмигрантов — сотрудников так называемых «национальных» радиостанций. Чехович ознакомился со многими секретными инструкциями, которые запрещали «национальным» радиостанциям критически оценивать политику ФРГ. «Польской» радиостанции, в частности, запрещалось определять свое отношение к вопросу о границе по Одру и Нейсе.

Анджей Чехович участвовал в обсуждении вопросов тактики пропагандистской деятельности радиостанции «Свободная Европа» после декабрьских событий в Польше. Там, естественно, не рассматривались методы и формы улучшения объективной информации о жизни в Польше, а все внимание было сконцентрировано на одном лишь вопросе: какими способами пропаганда «Свободной Европы» могла бы подорвать доверие польского народа к руководству ПОРП, как скомпрометировать программу, вы-

работанную VIII пленумом ЦК ПОРП в феврале 1971 года. Чехович хорошо изучил кухню «черной» пропаганды: узнал, как трансформируются заведомо фальшивые сведения, приобретая видимость правдивости; как спец из польского отдела, беря за основу действительный факт, окружают его измышлениями и клеветой.

Капитан Чехович глубоко проник в эмигрантский микромир в Мюнхене с его затхлой атмосферой, характерной для любой такого рода среды «бывших поляков», атмосферой взаимных доносов и борьбы различных клик и группировок.

По наблюдениям Чеховича, царящая там атмосфера блата и групповщины приводит к весьма примечательным последствиям. Так, например, Заморский, подбирая кадры, как правило, отдает предпочтение посредственным и серым людям (естественно, для того, чтобы никто из них не мог стать конкурентом!). Американские шефы тоже не всегда могут справиться с этим протекционистским стилем и групповщиной, которые, даже с их точки зрения, приносят нежелательные результаты.

Интересно отметить реакцию «Свободной Европы» на возвращение капитана Чеховича в Польшу. В первый же день, когда еще не была названа фамилия польского офицера, «Свободная Европа» передала коротенькую информацию о «мнимом разведчике». Однако после пресс-конференции капитана Чеховича на радиостанции «Свободная Европа» царила нескрываемая растерянность. В эфир полетели весьма противоречивые комментарии. Один из комментаторов, например, укорял польскую разведку за то,

что она якобы нарушила «правила игры», так как, по его мнению, никакая разведка не должна публично прославлять свои успехи. Другой комментатор, делая хорошую мину при плохой игре, пытался убедить, что Чеховича просто выкрали и теперь выдают за офицера польской разведки.

Растерянность в мюнхенском диверсионном центре еще не улеглась, ибо господа руководители отдают себе отчет в том, что благодаря успешной акции капитана Чеховича польская разведывательная служба получила ряд важных данных (включая и документы), которые помогут полнее разоблачить истинное лицо «Свободной Европы». Кроме того, хорошее знание всей «кухни» этой организации позволит эффективнее парализовать ее враждебную деятельность.

Нам было многое известно как о диверсионно-пропагандистской, так и шпионской деятельности «Свободной Европы», а также о ее связях с Центральным разведывательным управлением США. Теперь мы знаем еще больше. К тому же капитан Чехович на пресс-конференции для польской печати не сказал последнего слова...

Славомир Шоф

ЧАС ПРАВДЫ, ИЛИ РАДИОИНТЕРВЬЮ КАПИТАНА АНДЖЕЯ ЧЕХОВИЧА

Введение

О нашей первой встрече мы договорились через три дня после пресс-конференции, которая все еще оставалась сенсацией дня. Когда мы здоровались в холле, я сказал капитану Чеховичу:

— Вот вы и опять на радиостанции.

— Да, — улыбнулся он, — но, знаете, слушая польское радио там, в Мюнхене, я не раз думал, что придет время, когда и я выступлю перед микрофоном польского радио и расскажу о своей работе на радиостанции «Свободная Европа».

— Теперь это время пришло. Вы волнуетесь?

— О нет! Я человек закаленный.

— Вы не хотели бы предварительно обсудить план нашей радиобеседы?

— А что интересует польское радио?

— Собственно говоря, все.

— В таком случае начнем!

Входим в студию, садимся перед микрофоном. Дежурный техник включает магнитофон. Над дверью студии зажигается красная лампочка...

Дорога в Мюнхен

Ш. Прежде всего мне хочется выразить глубокое удовлетворение по поводу того, что вы гость нашей студии. Позвольте задать вам один вопрос, прежде чем вы начнете свой рассказ. Сейчас о вас говорит не только вся Польша, но и вся Европа. Мне хотелось бы знать, как вы лично воспринимаете то, что вас называют «ас-разведчик»?

Ч. (улыбается и задумывается). Мне кажется, что это сказано слишком высокопарно...

Ш. Вы испытываете чувство неловкости?

Ч. Вы угадали. Эти комплименты несколько стесняют.

Ш. Разве они незаслуженны?

Ч. Конечно, то, что мне удалось сделать, потребовало максимального напряжения. Пришлось преодолеть множество трудностей, но все равно «ас-разведчик» — это, пожалуй, слишком много. Признаюсь, у меня это вызывает чувство неловкости.

Ш. И еще одно. Некоторые сравнивают вас с популярным героем нашего телевизионного фильма разведчиком капитаном Клоссом. Вы знакомы с этим фильмом?

Ч. Конечно знаком! Работая в «Свободной Европе», я читал об этом фильме в одной из польских газет.

Ш. Но вы не видели фильма о Клоссе?

Ч. Нет, не видел, но знаю обо всех его подвигах.

Ш. Ну и?..

Ч. (опять улыбка и продолжительное раздумье). В действительности все это выглядит несколько иначе. Конечно, капитан Клосс

действовал в других условиях и в другую эпоху, но, повторяю, в жизни все выглядит несколько иначе. Действительность не столь красочна, она более прозаична. И работа разведчика в современных условиях менее эффектна, не так поражает воображение.

Ш. Хорошо. Если вы не возражаете, расскажите о суровых буднях разведчика. Давайте начнем с лагерей, через которые лежал ваш путь в Мюнхен.

Ч. В соответствии с полученной подготовкой и инструкциями я должен был играть роль политического беженца. Вначале я поехал в Англию по частному приглашению как «обычный», заурядный турист. Возвращался же через ФРГ, и это уже был первый этап разработанного в Варшаве плана. Остановившись в Кельне, я пришел в полицию и попросил предоставить мне политическое убежище. Дежурный офицер в ответ на мою просьбу прежде всего приказал посадить меня под арест, возможно, для того, чтобы я хорошо обдумал свое решение... В тюрьме я провел ночь. Утром за мной пришли два джентльмена с поднятыми воротниками пальто, совсем как в гангстерских фильмах. Меня посадили в автомобиль и отвезли в лагерь в Цирндорфе. Ехали туда десять или двенадцать часов. Заспанный дежурный без единого слова выдал мне два одеяла, три вонючих матраца и направил в так называемый «транзит». Это большая комната, в которой спят тридцать или сорок человек, сейчас я уже точно не помню. В «транзите» я пробыл трое суток, затем меня перевели в комнату на шесть-семь человек. Условия ужасные, и хотя я был готов ко всему, но чувствовал я себя там

отвратительно. Не только потому, что там друг у друга воровали одеяла, так как наступили холода (я прибыл в Цирндорф в ноябре). На нервы действовала царящая там атмосфера обреченности и безнадежности. Кормили скудно, точнее, отвратительно. Раз в день мы получали горячую пищу — какой-то суп и что-то вроде второго блюда из мясных отходов; кроме этого давали лишь кусочек маргарина и полкило хлеба. Этого должно было хватить на весь день. Иногда, когда по утрам было особенно холодно (вставали в шесть утра и ни минутой позже), так как помещения не отапливались и мы все дрожали под своими тонкими одеялами, нам давали горячий кофе, естественно не натуральный. И это все. Кроме того, каждый страдал от безнадежности ожидания, бесконечных допросов и сомнений — предоставят политическое убежище или нет.

Дело в том, что этот формальный акт имеет решающее значение для будущего, для судьбы каждого узника Цирндорфа. Если вы получите политическое убежище, значит, с вами будут считаться и у вас будут какие-либо перспективы и права в этой чужой стране. Официально вас лишают только нескольких основных прав, таких, как право голоса или участия в выборах. В остальном же теоретически перебежчику, получившему политическое убежище, предоставляются такие же права, что и гражданину данного государства. Однако на практике все выглядит иначе, хотя, повторяю, с получением права на политическое убежище уже можно как-то жить. Что касается конкретно поляков, то такое право предоставляют не более 15—20% из всего числа просите-

лей. Остальные же получают либо паспорт иностранца, либо такой документ, который нужно продлевать каждые три месяца, чтобы в принудительном порядке не быть высланным за пределы ФРГ. Все зависит от того, признает разведка данное лицо интересным для себя или нет. Критерии, как видите, ненадежные и неустойчивые. Отсюда неуверенность и напряженность ожидания в Цирндорфе. Положение тех «неполноценных», кто получает лишь так называемый вид на жительство, прямо скажем, незавидное. В настоящее время в ФРГ есть определенный спрос на рабочую силу, но, если там начнется кризис, все эти люди первыми окажутся выброшенными на улицу. Без работы, без прописки они вынуждены будут срочно покинуть страну. Кто тогда их примет, как сложится их дальнейшая судьба? Потому-то так мучительно ожидание. Для поляков, чехов, венгров и даже перебежчиков из Израиля (а мне приходилось сталкиваться и с такими) Цирндорф — единственный лагерь. Несколько других лагерей предназначены для немцев или для тех, кто выдает себя за немцев.

Большинство людей, попадающих в эти лагерь, особенно в Цирндорф, не представляют, что их ждет. Люди принимают решение остаться в ФРГ, не имея ни малейшего понятия, какие тяжелые тучи сгущаются над их головами. По своей наивности они полагают, что их кто-то ждет, что богатое буржуазное общество только и мечтает, как бы помочь нуждающимся в работе и поделиться тем, что оно имеет. Открытие, что дело обстоит совсем наоборот, становится обычно первым, но отнюдь не последним трагическим разочарованием. Со всем драматизмом

и безнадежностью беженцы сознают, что их никто не ждет, никто не приветствует и тем более никто не хочет с ними ничем поделиться. С первого же момента на этой чужой земле, часто наивно взлелеянной в мечтах, они встречаются с обычной беспощадной дискриминацией. Их считают непрошеными гостями, людьми без роду и племени, которые добровольно оставили свою родину и уже никогда не найдут себе места в новой стране. Молодые люди еще имеют какие-то минимальные шансы, так как могут найти работу, требующую крепких рук. Однако людям постарше, тем, кому за сорок, уже нечего искать. Их никто не примет на работу, не говоря уже о том, чтобы устроиться по специальности. Обычный финал — разочарование и жизненная катастрофа.

Так было с девушкой лет двадцати. Звали ее Дворничак. Она пробыла в Цирндорфе полгода, не получая никакого ответа на свои просьбы и письма. Никто не хотел с ней разговаривать, шесть месяцев вокруг нее царил молчание. Однажды вечером она приняла большую дозу снотворного, однако лагерное начальство даже в этот критический момент не захотело ей помочь. Очевидно, она не представляла никакого интереса для разведки, а ее руки были слишком слабы для физической работы.

III. Увидев все это, вы, наверное, и сами пережили внутренний кризис?

Ч. Должен признаться, что я пережил там немало тяжелых минут. Конечно, я все время помнил о своей роли и своем задании и старался не принимать близко к сердцу то, что для других было делом жизни и смерти. Однако картина человеческой нищеты, трагического

исхода всех надежд и иллюзий не могла не потрясти. В лагере был один молодой паренек. Он убежал из Щецина, спрятавшись на каком-то торговом судне, выходящем в море. Сошел в Гамбурге, там у него жил дядя. Дядя дал ему 100 марок и не захотел больше его видеть. Из Гамбурга паренек попал в Цирндорф. Просидел здесь несколько дней и решил убежать в ГДР. На границе его задержала западногерманская полиция и возвратила в лагерь. Начались допросы, его подозревали в шпионаже, но улики не оказалось. Этот молодой заблудший паренек просто не выдержал первого жизненного разочарования. Что с ним случилось дальше, не знаю.

Ш. Такие условия в лагере, видимо, создают специально, чтобы сломить слабых и выявить сильных, которые на что-нибудь пригодятся?

Ч. Очень откровенно об этом сказал мне при допросе офицер разведки ФРГ. Впрочем, он прекрасно говорит по-польски, с едва заметным акцентом. Он так и сказал: «Мы создаем такие условия, при которых люди могли бы пойти на все. Если нам удастся довести человека до крайности, унижить его достоинство, тогда можно рассчитывать, что он пойдет на любое дело. Тогда хороший ужин может стать достойной оплатой за информацию. Пять долларов — вот та сумма, за которую можно продать то, что известно тебе и интересно для других».

Должен сразу заметить (это необходимо), что предоставление политического убежища вопреки решениям Женевской конвенции на практике происходит совершенно иначе, по крайней мере в Цирндорфе. Предоставление права убежища зависит от того, дашь ли ты опре-

деленную информацию и вообще хочешь ты ее дать или нет. Убежище можно получить только после допроса, проводимого в присутствии представителей различных разведок, прежде всего американской. Если эти господа дадут тебе хорошую оценку, то возникнут шансы на получение политического убежища. Если же ты произведешь на них неважное впечатление, если у них вдруг появятся какие-то подозрения, то оставь всякие надежды. Другое дело, что огромное большинство людей вообще не имеет никаких оснований добиваться получения убежища. Допрашивающие офицеры, выслушав «полный драматизма» рассказ о «преследованиях в Польше», сразу же задают вопрос: «А как вы получили паспорт?» В свою очередь тот, кто не получил политического убежища в ФРГ и хочет эмигрировать в другую страну, например, в США или Канаду, вызывает подозрение у консульств этих государств. Чаще всего таким людям отказывают. Следовательно, они остаются в ФРГ, и для них нет легкой жизни, хотя бы уже потому, что они — поляки.

III. Существуют ли в ФРГ лагеря для перемещенных лиц?

Ч. Да, существуют. Доступ для посторонних в такой лагерь в Цирндорфе сейчас стал значительно труднее. Когда я там находился, необязательно было иметь пропуск на право входа и выхода. Теперь в лагерь никого не пускают без специального разрешения. Были случаи, когда на территорию лагеря пробирались разведчики из социалистических стран, чтобы, например, сфотографировать условия жизни беженцев. Недавно в Чехословакии показывали даже фильм. Кадры запечатлели момент раздачи пи-

щи в лагерной кухне, а это производит весьма удручающее впечатление. Поэтому в лагере усилили контроль, но условия жизни остались прежними. Посторонним вход на территорию лагеря вообще запрещен. За порядком в лагере и за тем, чтобы никто не создавал «рекламы» этому позорному месту, следит офицер американской разведки. Когда я там находился, им был господин Рейтлер, американец немецкого происхождения. Он руководил жизнью Цирндорфа и вершил судьбы его узников. Через него осуществлялись и первые контакты с радиостанцией «Свободная Европа».

Первый контакт

III. Сколько времени вы ждали первого допроса?

Ч. Первый допрос состоялся на второй день моего пребывания в Цирндорфе. Каждому из новых «пансионеров», которые получают место в лагерном «транзите», выдается так называемый «обходной бланк» с номерами комнат и инициалами лиц, к которым он должен обратиться. Первое, самое важное посещение — это визит к офицеру разведки. Назовем его господином Б, хотя бы потому, что он ставит на «обходном бланке» печать с буквой «Б» в знак того, что разговор (беседа) с новичком уже состоялся. Разговор с господином Б имеет решающее значение. Если вы смогли благоразумно и в меру правдиво представить свое дело, у вас появляются шансы. Разговор ведется на польском языке. Господин Б отлично владеет польским языком. В лагере в Цирндорфе от него зависели судьбы поляков, кото-

рые покинули родину. Беседы с ним могли продолжаться по нескольку дней. Бегая по разным комнатам, отмечаясь у других лагерных официальных лиц, необходимо было ежедневно резервировать время для господина Б, который как бы детально «просвечивал» каждого беженца. Он первым выносил решение о предоставлении убежища. И хотя потом дело рассматривал действующий на месте так называемый «суд», решение офицера разведки господина Б фактически было самым важным.

Мы с ним подолгу беседовали, как Раскольников с Порфирием Петровичем, касаясь как конкретных, так и философских вопросов. Обычно начиналось с биографии, которую я должен был рассказывать по нескольку раз, то полностью, то отрывками. Он спрашивал обо всех знакомых и родственниках, об их месте работы и мировоззрении, о друзьях, о том, не имел ли я каких-либо контактов со службой безопасности, о моих взглядах и воспоминаниях детства. Он стрелял вопросами, как из пулемета, упорно возвращаясь к определенным фактам, чтобы потом вдруг перекинуться на совершенно другие. Это был мой первый экзамен. Мою участь облегчал тот факт, что я рассказывал свою настоящую биографию. Конечно, и здесь надо было быть внимательным, так как господин Б все время проверял мою правдивость. Не скрою, что я примерно знал, как все это происходит.

Таким образом, я сдал первый экзамен и был передан американской разведке. Теперь со мной беседовали господин Рейтлер и еще один офицер, который прекрасно говорил по-польски, по-украински и по-русски. Как я узнал впослед-

ствии, он происходил из польско-украинской семьи, хотя родился в Америке. Посчитав, что я могу быть полезным, он однажды вдруг заявил мне: следующие допросы состоятся в Нюрнберге. И меня ежедневно стали возить в этот город. Автомобиль останавливался у большого мрачного здания в предместье. Здесь тянулись долгие часы «вопросов и ответов». В Нюрнберге уже за каждый день допроса платили по двадцать марок. На мрачном фоне лагерного существования эти поездки в Нюрнберг оставили определенное приятное воспоминание.

Ш. Вы были подготовлены к тому, чтобы завоевать доверие на допросах? Ведь вы должны были что-то «продать», передать какую-то информацию, которая заинтересовала бы вражескую разведку и в свою очередь сделала бы вас интересным для нее объектом?

Ч. Конечно. К этому я был подготовлен. Еще в Польше для меня заранее подготовили некоторую информацию, подтверждавшую «честность» моих намерений. В Нюрнберге я с воодушевлением рассказывал о своем пребывании на учениях в воинской части, где проходили сборы после окончания учебы. Я сообщил сведения о местонахождении радиолокационной станции и назвал фамилию командира части. Допрашивавший меня офицер разведки показал мне толстую книгу, где содержались описания военной формы и знаков различия, данные о вооружении и размещении некоторых войсковых частей. Он спрашивал, видел ли я танки подобного типа и противотанковые орудия, кто командовал соединением, интересовался образом жизни командира, его семейным положением и местожительством. Я убедился, как из мелочей, по-

рой, казалось бы, незначительных, можно создать стройную картину, постепенно дополняя ее недостающими деталями. Чего-либо особенно ценного я не сообщил на допросах, но завоевал к себе доверие, так как правдиво представил уже хорошо известные факты и данные.

Так проходили мои дни в лагере в Цирндорфе. Это длилось четыре месяца. Я старался попусту не тратить времени и вскоре установил другие контакты, для меня более существенные, — с радиостанцией «Свободная Европа». Так называемым «корреспондентом» этой радиостанции в Цирндорфе был в то время некто Которович, разумеется, агент американской разведки. Во время войны Которович сотрудничал с германской разведкой, а потом его купили американцы. В «Свободной Европе» он именовался «корреспондентом». Вскоре я мог убедиться, в чем заключается его деятельность. Он должен был в массе перебежчиков, ожидающих милости и убежища, отыскивать наиболее интересных людей, интересных с точки зрения разведки и радиостанции «Свободная Европа». Которович уже получил от Рейтлера сведения о том, что одним из «наиболее интересных» являюсь я. После первых же бесед Которович стал питать ко мне большое доверие и однажды заговорщически сообщил: «Я много о вас слышан, пан Анджей. Вы образованный человек и многое знаете. Не подготовите ли вы какой-нибудь материал для «Свободной Европы»? Естественно, не бесплатно». Я с воодушевлением согласился. Так началось мое сотрудничество с радиостанцией.

Какие же были мои первые передачи? В одной из них рассказывалось о лужицких сербах:

когда-то я побывал со студенческой экскурсией в Домовине и, будучи историком, немного знал об этом интересном национальном меньшинстве. Затем написал несколько передач на историко-политические темы, в частности о советско-польских отношениях. Я еще не совсем вжился в тон «Свободной Европы», и над этими текстами, как стало мне известно, долго бились редакторы. Но материал все-таки пошел в эфир, и это было для меня большим успехом. А между тем Которович проникся ко мне таким доверием, что даже предложил время от времени вырывать его как «корреспондента». «Вы будете писать отчеты, — говорил ленивый Которович, — а поскольку я получаю за них по пятьдесят марок, то мы будем делить гонорар пополам». Я уже знал, в чем состоят эти отчеты. Кроме офицеров разведки ФРГ и США с каждым новым перебежчиком обязательно беседует также «корреспондент» «Свободной Европы». В отчете помимо данных об определенных людях содержится и информация, которая ничего общего не имеет с анкетными сведениями. Фактически отчеты носят характер разведывательного документа. Если, например, перебежчик работал на судовой верфи, его спрашивали, кто там директор и начальник производства, какие типы судов строятся, для кого и в каком количестве; как относится рабочий коллектив к дирекции и партийной организации; какие настроения преобладают в рабочей среде; где расположены отдельные доки и стапеля. Задавались вопросы и об отношении населения той или другой страны к «Свободной Европе»: кто слушает передачи радиостанции, что в них нравится и что нет. Отчет «корреспондента» состоит, как пра-

вило, из двух частей. Одна из них, на первый взгляд невинная, напоминает биографическую справку. Другая печатается на бумаге иного цвета и составляется только тогда, когда в показаниях допрашиваемого есть ценные сведения. Это, по сути дела, шпионская информация.

Ш. Не переживали ли многие перебежчики определенного разочарования, будучи вынужденными давать подобные показания? Ведь некоторые из них покидали родину по политическим либо по чисто личным причинам, а тут им отводилась роль обычных шпионов. Не служило ли это причиной душевной трагедии и разочарования?

Ч. Для большинства людей это безусловно так и было. Я видел людей, которые вообще отказывались давать какую-либо информацию. Они отвечали: я прошу политического убежища, а со шпионажем не хочу иметь ничего общего. Были даже случаи, когда «корреспондента» радиостанции «Свободная Европа» просто с отвращением выдворяли, когда он пытался купить показания за пять марок. Но были и такие, кто не отказывался ни от оплаты, ни от сытного ужина...

Во всяком случае, я не часто готовил для Которовича отчеты. Это было слишком унижительно, слишком оскорбительно для меня и моих товарищей. Но, с другой стороны, мне необходимо было цепко держаться за ту нить, которая связывала меня со «Свободной Европой». А возможности работать на самой радиостанции я вынужден был ждать целых полтора года.

Наконец мне предоставили право политического убежища. Получив документы, я без всякого сожаления распрощался с Цирндорфом и

направился на север Западной Германии, в Мюнстер, где находился так называемый «пересильный лагерь». Все, кому предоставляли политическое убежище, ожидали здесь получения права поселиться в определенном районе ФРГ и решения своей дальнейшей эмигрантской судьбы. Ждал и я, отказавшись от предложенной должности, так как мне нужно было любой ценой остаться на радиостанции.

В Мюнстере я провел три месяца, постоянно наблюдая человеческую нищету и унижения. В лагере я встречал поляков, находившихся там с самого окончания войны. Это были полностью разложившиеся люди, не пригодные к труду и нормальной жизни. Они получали небольшое пособие, которого едва хватало на питание. Иногда они брались за какую-либо работу, но боялись покинуть территорию лагеря, где имели по крайней мере гарантированную крышу над головой. Встречаясь на каждом шагу с неприязнью и презрением со стороны граждан ФРГ, эти люди инстинктивно держались вместе, и лагерь в этих условиях был для них единственным безопасным убежищем. Здесь процветали алкоголизм и полное моральное разложение, было множество случаев психических заболеваний. Как уже говорилось, я провел в Мюнстере три долгих месяца. По доброму совету некоего Лубеньского из польско-американского эмигрантского комитета я подал прошение на выезд в Америку. Это надо было сделать, чтобы не вызвать каких-либо подозрений. «Вы должны сразу же попытаться угнаться за несколькими зайцами, — говорил мне Лубеньский. — Америка — это шансы и перспектива. Нужно их использовать». Прошение я подал, но мечтал.

чтобы его отклонили. Впрочем, шансы мои на получение разрешения были минимальными.

Обычно те, кто подавал прошение о выезде в США, должны были ждать ответа пять лет. Что касается меня, то в Мюнстере, вскоре после прибытия туда, я имел беседу с Новаком, одним из руководителей польского отдела, который обещал мне место на радиостанции «Свободная Европа». У меня даже сохранилось приглашение зайти к нему. Он обещал, что через некоторое время я буду принят. «В данный момент у нас нет свободного места, — объяснил он мне. — Вы должны подождать. Но шансы есть. Возможно, впрочем, вам даже удастся выехать в Соединенные Штаты». Я же мечтал, чтобы этого не случилось. Так оно и вышло. Когда я по горло пресытился «прелестями» пересыльного лагеря в Мюнстере, то поступил на службу в охранную роту Британской рейнской армии.

В учебном центре «Гамма» я прошел курс строевой подготовки и был направлен в местечко Штейерберг под Нюрнбергом. Так начался новый период моего эмигрантского скитания. В роли охранника мне пришлось быть долгих десять месяцев. Но я ждал момента, когда буду принят на радиостанцию «Свободная Европа».

В «Энглишер Гартен»

III. Вас не волновало то обстоятельство, что так долго пришлось ждать возможности выполнить свою миссию? Вы ведь отдавали себе отчет в том, что здесь, в Варшаве, о вас беспокоятся?

Ч. Конечно, но нужны были крепкие нервы и большая выдержка. Я поддерживал связь с Центром, но это не могло снять моих сомнений и растущей тревоги. И дело тут не только в ожидании, но и в том, с чем я повседневно сталкивался. Я говорю о людях, у которых нет никаких целей, а лишь сплошные страдания и разочарования. В охранной роте я увидел другую разновидность все той же самой нищеты и безысходности. Там я встретил людей, которые с самого окончания войны еще не выходили за пределы казарм. Это звучит неправдоподобно, но это факт. Охранники не имеют гражданского платья, так как заработок систематически пропивают в солдатских буфетах. Некоторые даже не получают жалованья, они отдают доверенность буфету на получение своих денег. Солдат охранной роты получает обмундирование и питание, а также койку в казарме. Повторяю: все, что я увидел в центре Европы спустя двадцать с лишним лет после войны, кажется неправдоподобным. Но это действительно так, и об этом должны знать все.

III. Несмотря на все это, вы должны были «держаться», то есть жить двойной жизнью: с одной стороны, вести себя как эмигрант, который не поддается судьбе, а с другой — прилагать все усилия, чтобы выполнить конкретное опасное задание?

Ч. Конечно, я пережил немало горьких минут. Донимало одиночество ну и тяжелые условия, которые многих надламывали. Если бы я обратился за помощью, Центр наверняка бы помог мне в финансовом отношении. Тогда легче было бы выносить судьбу эмигранта, но в этом случае мне угрожала бы серьезная опас-

ность — подозрение и недоверие. Поэтому я вынужден был жить так же, как и все окружающие меня люди, делить с ними все трудности и быть одним из них. Это, конечно, стоило больших усилий, иногда очень больших. В Штейерберге я был охранником. Как и другие, ежемесячно получал на руки 320 марок. У меня была койка в солдатской казарме, я нес вахту, пил в баре, играл в карты, то есть жил, как и все там. И так долгих десять месяцев я был охранником в чужой армии и в чужой стране.

Ш. Но в отличие от других, вы поддерживали постоянную связь с родиной. Скажите, вы уже тогда начали пересылать первые разведывательные донесения?

Ч. Нет, тогда это не входило в мою задачу. Я не должен был обращать на себя внимание, чтобы не попасться, не приступив еще к выполнению своего задания. Мои донесения сводились к ничего не значащим сообщениям типа: «Сижу, жду». Не было гарантии, что мне все удастся сделать и что меня примут на радиостанцию «Свободная Европа». Все могло произойти совершенно иначе. Это была тщательно продуманная игра, к которой я серьезно готовился еще в Польше.

Ш. А контакт с родиной, с Центром, был двусторонний?

Ч. Да.

Ш. Вы получали моральную поддержку?

Ч. Да, получал.

Ш. Как вы расцениваете эту поддержку в таком положении?

Ч. Очень высоко. Трудно себе представить, как это бывает дорого.

Ш. Что было потом?

Ч. В феврале, а вернее, в январе 1965 года мне сообщили из Мюнхена о том, что вырисовываются конкретные возможности для получения работы на радиостанции «Свободная Европа». Прошло еще три полных нервного напряжения месяца — и наконец в апреле я получил письмо из «Свободной Европы». В письме на фирменном бланке говорилось, что директор-администратор Шульчевский «имеет честь и удовольствие» сообщить, что меня приняли на радиостанцию «Свободная Европа» в качестве исследователя. В письме перечислялись условия, на которых меня принимают, а также спрашивалось, даю ли я окончательное согласие. Сами понимаете, я согласился немедленно, позвонив в тот же день по телефону в Мюнхен. Следующее письмо было еще вежливее. «Дорогой господин Чехович,— писал начальник отдела кадров некий Рассел Пулл.— Нам доставляет удовольствие приветствовать вас как сотрудника радиостанции «Свободная Европа». Надеемся, что работа у нас будет долгой, счастливой и плодотворной». Счастливой моя работа в этой организации, естественно, быть не могла, но она действительно была долгой и плодотворной. Только не в пользу Рассела Пулла.

Вскоре я перебрался в Мюнхен, где для меня был заказан номер в гостинице. Через несколько месяцев я получил служебную квартиру. Признаюсь, что когда впервые, уже как штатный сотрудник, я входил в «Энглишер Гартен», в здание, которое было моей единственной целью за время всех долгих лагерных скитаний, меня охватило волнение...

Ш. А вы не предполагали, что это могла быть двойная игра, что вы находитесь на подозрении?

Ч. Естественно, приходилось действовать очень осторожно. В самом начале я даже прервал все связи с Центром. В последнем своем донесении я сообщил: «Удалось! Я в «Свободной»!»

Еще до прихода на радиостанцию, я знал о ней много, имел характеристики некоторых сотрудников, помнил фамилии тех, кого должен был остерегаться. Эта предварительная осведомленность не исключала постоянных сомнений. А как пойдет дело дальше? Сколько месяцев или лет я проведу в этом здании? Добьюсь ли того, к чему стремлюсь? Проникну ли в те отделы, в которых заинтересован Центр?

Спешить я не имел права. Каждый шаг следовало обдумывать. Я должен был сопоставить известные мне факты с конкретной действительностью. А это продолжалось долго — несколько месяцев.

Моя работа в «Свободной Европе» началась весьма банально. Меня усадили в одной из комнат и велели разбирать старые вырезки из польских газет. Эмигрантская печать там во внимание не принималась. Я терпеливо раскладывал по папкам вырезки из «Трибуна люду», «Жиче Варшавы» и других газет, а в свободные минуты разговаривал с коллегами, присматривался к ним. Одним словом, вживался в роль штатного сотрудника радиостанции, стараясь забыть, по крайней мере на некоторое время, что должен выполнить здесь роль «троянского коня», введенного в неприятельскую крепость.

Через несколько месяцев мой шеф Заморский объявил мне, что переводит меня в картотеку департамента анализа и исследований Восточной Европы. Таким образом, я стал ближе к цели. Моя работа по разборке вырезок из газет, несомненно, была испытательным периодом. Видимо, я прошел его успешно. В картотеке уже была возможность соприкоснуться с некоторыми интересующими нас документами. Картотека была одним из тех мест, где «Свободная Европа» хранила свои секреты. И опять беспокойство: не слишком ли рано, не слишком ли быстро я продвигаюсь к цели? Приходилось, однако, сохранять спокойствие и прикидываться прилежным исследователем. Но все шло нормально: шефы и коллеги относились ко мне с симпатией и доверием. Таким образом, я все увереннее чувствовал себя в одном из секретных подразделений «Свободной Европы», хотя ее самые глубокие секреты скрывались в еще не доступных для меня стальных сейфах.

Ш. После вашего исчезновения из Мюнхена один из сотрудников «Свободной Европы» спросил: «Какие секреты искал Чехович? Ведь у нас нет никаких секретов...»

Ч. Секреты есть. Я знаю, кого вы имеете в виду. Это Пешановский. Это он заявил, что двери радиостанции открыты для всех. Так вот, в первой комнате департамента анализа и исследований, в той, где я отбирал вырезки из польских газет, действительно никаких секретов нет. Но Пешановский искажает истину, говоря, что любой может войти в здание радиостанции.

Чтобы попасть туда по какому-либо делу, необходимо иметь специальный пропуск, кото-

рый выдается по распоряжению руководителей одного из департаментов. Этот пропуск проверяют два полицейских. Пройти в помещения департамента, руководитель которого выдал пропуск, можно лишь в сопровождении одного из сотрудников. Что же касается департамента анализа и исследований, то посторонний человек, как и любой сотрудник радиостанции, мог войти туда, мог сколько угодно времени рассматривать комплекты вырезок из периодической печати, но без специального разрешения Заморского или его шефов не смел заглядывать в картотеку. Картотека, над которой я провел многие часы, подразделяется на тематическую и персональную. В ней содержатся сведения обо всех наиболее видных партийных деятелях Польши, начиная от секретарей районных комитетов партии и кончая Первым секретарем Центрального Комитета ПОРП, а также сведения обо всех политических, хозяйственных и общественных деятелях, артистах и инженерах, военнослужащих и моряках. Так называемая тематическая картотека включает данные о заводах, шахтах, войсковых частях, о польском радио и телевидении, о государственных учреждениях и общественных организациях. Эти сведения ничего общего не имеют с тематикой радиопрограмм «Свободной Европы». Они поступают из официальных источников, например, из польской печати, а также из неофициальных источников, то есть из донесений, которые присылают так называемые бюро «Свободной Европы», находящиеся во всех крупнейших европейских городах. В кабинете Заморского и в соседней с ним комнате стоят шкафы, где хранятся личные дела всех

сотрудников департамента анализа и исследований, а также корреспонденция, поступающая из Нью-Йорка (большинство этих материалов имеет гриф «Для служебного пользования» или «Секретно»), внутренняя переписка между Заморским и Новаком, отчеты Заморского о его служебных командировках в подчиненные ему учреждения, которые официально называются бюро «Свободной Европы». В действительности же это разведывательные организации. Отчеты корреспондентов радиостанции «Свободная Европа» из Вены, Лондона и Копенгагена также не имели ничего общего с репортажами корреспондентов о текущих событиях дня, а были донесениями шпионского типа, содержащими информацию, которую получали от лиц, приезжающих из Польши. К персональной и тематической картотекам, к донесениям и корреспонденции Заморского никто не имел доступа без специального разрешения американских властей или самого шефа. Так что и здесь господин Пешановский противоречит истине, безответственно заявляя, что любой человек, если он захочет посетить здание «Энглишер Гартен», может все осмотреть и прочитать. Это самая настоящая ложь.

Информаторы

III. Итак, вы уже сотрудник одного из секретных департаментов «Свободной Европы», сохраняющего лишь для видимости связь с вещательной программой радиостанции. Имели ли вы доступ к собранной там картотеке, донесениям и корреспонденции Заморского или же вам надо было искать иные пути к сейфам своих шефов?

Ч. К некоторым материалам я имел доступ, выполняя свои служебные обязанности. К большинству же материалов, скрытых в стальных шкафах шефа, я вынужден был искать более сложные пути. Но, во всяком случае, все документы и материалы, проходящие через отдел Заморского, мною, то есть нашей разведкой, контролировались.

Ш. Некоторые из них уже публиковались в печати и передавались по телевидению. Вы привезли и другие материалы?

Ч. Конечно.

Ш. Вы, видимо, сумели завоевать такое огромное доверие своих шефов, что не только стали ответственным сотрудником департамента, но и получили доступ к наиболее секретным делам в «Свободной Европе»?

Ч. Действительно, я завоевал доверие и даже, стыдно признаться, симпатию Заморского и Новака. Кроме того, у нас были и другие способы, позволяющие добраться до секретных документов на определенном участке их прохождения.

Ш. Вы говорите: «у нас»...

Ч. Давайте договоримся, что я был тем, кто добывал материалы. Что было дальше... об этом я уже могу говорить во множественном числе. Что же касается доверия, расположения ко мне такого опасного и подозрительного человека, как шеф, то расскажу об одном забавном случае.

Заморского, бывшего агента второго отдела генерального штаба буржуазной Польши, судьба не раз впутывала в различные истории, и хотя он стремится создать о себе мнение умудренного жизнью специалиста, на самом деле у

него образ мышления обыкновенного полицейского. Говоря по правде, он не пользуется уважением даже у своих ближайших подчиненных. К тому же судьба одарила его жилкой азартного картежного игрока. Его приводит в азарт даже невинный дружеский бридж, не говоря уже о рулетке. Игорных домов очень много вокруг Мюнхена, и Заморский регулярно отправляется туда в выходные дни, а иногда и в будни. Поскольку ему не всегда везло, мой шеф постоянно был в долгах. К тому же он тратил уйму денег на любовниц. Отсюда финансовые затруднения, растущие долги. Я долгое время был единственным человеком, у которого он не занимал денег. Однако настала и моя очередь.

Однажды у меня в квартире раздался телефонный звонок. Я уже спал. Заспанный и еще не пришедший в себя, я услышал в трубке голос своего шефа. «Пан Анджей,— сказал он в некотором смятении,— извините, что звоню в такое время, но случилась глупая история. Звоню из Бад-Визена. Так вышло, что неожиданно у меня не хватило денег. Убедительно прошу вас взять тысячу марок и срочно приехать сюда на машине». Я вскочил в автомобиль и помчался на выручку шефу. Вошел в казино... и что же оказалось? Заморский проигрался в пух и прах, и хозяин казино не хотел его выпускать. Пришлось уплатить требуемую сумму. Я с триумфом вывез своего шефа из излюбленного им казино. В пути я старался быть изысканно вежливым и прежде всего тактичным. Это в будущем оправдало себя.

III. Вы сумели использовать слабые стороны своего шефа?

Ч. Можно сказать, да. Доверие одних и желание отблагодарить меня у других, а также еще кое-какие мелкие детали позволяли мне полностью контролировать все проходящие через отдел материалы.

Ш. А чем объяснить, что ответственную руководящую работу доверяют такому человеку, как Заморский?

Ч. Объяснение очень простое. Заморский — доверенное лицо американцев. Они знают все его слабости, а он знает слишком много, чтобы от него можно было избавиться. Кто же выбросит человека, слишком много знающего и к тому же со слабым характером? Если уволить Заморского, то его мемуары в бульварной печати ФРГ произведут эффект, по последствиям равноценный взрыву бомбы в самом здании мюнхенской радиостанции. Я подозреваю, что хозяева радиостанции боятся этого и смотрят сквозь пальцы на слабости своего любимчика.

В служебном порядке Заморский подчиняется самому полковнику Брауну. Это англичанин, за долгую и преданную службу Центральному разведывательному управлению ему пожаловано американское гражданство. Полковник Браун — автор ряда книг о «психологической войне». Полтора года назад он был по специальной стипендии в Соединенных Штатах. Недавно написал очередную книгу о странах Восточной Европы и в этой области считается признанным специалистом. Вместе с Куком и Вальтером Браун составляет так называемый мозговой трест «Свободной Европы», руководимой и финансируемой американской разведкой. Они задают тон и разрабатывают тактику действий мюнхенского радио на основе

«стратегических» директив, поступающих из Вашингтона. Официально полковник Браун осуществляет руководство всеми подразделениями анализа и исследований в национальных отделах «Свободной Европы». В свою очередь подразделения анализа и исследований национальных отделов, то есть польского, румынского, венгерского и болгарского, непосредственно связаны с административным департаментом, руководимым Гансом Фишером. За этим официальным названием скрывается управление, которое занимается сбором шпионской информации, контрразведкой и охраной радиостанции.

Сам Фишер, как главный «администратор», весьма тщательно изучает каждого кандидата в сотрудники «Свободной Европы». Только когда у него нет замечаний, дело передают шефу по кадрам Расселу Пуллу, вежливое письмо которого, присланное в мой адрес, я имел удовольствие цитировать.

Ш. Интересно, как эти спецы по вопросам безопасности, разведки и контрразведки, то есть господа Браун, Фишер и, наконец, сам Новак, приняли известие о вашем исчезновении?

Ч. Об этом я и сам думал с чувством большого удовлетворения. Это, конечно, был для них удар.

Ш. Вернемся к нашей теме, и в частности к вопросам о зависимости радиостанции от разведки США и ФРГ. Знают ли все сотрудники о тесной связи радиостанции с разведкой или же они, по крайней мере некоторые из них, находятся в полном неведении?

Ч. Об этом громко никто не говорит, но все хорошо знают, в чем дело. А в конечном счете нет причин хвастаться. Следует добавить, что

все материалы, прежде чем попасть на редакционный стол, прежде чем поступить в департамент анализа и исследований, проходят через замаскированную ячейку разведки и контрразведки Ганса Фишера. Наиболее важные донесения просматривает сам Фишер. На каждого собеседника — «корреспондента» «Свободной Европы», который давал информацию, заведена специальная картотека как у Фишера, так и у Заморского.

Ш. У вас был доступ и к этим секретным спискам информаторов «Свободной Европы»?

Ч. Да, был. Но еще не пришло время говорить об этом подробно.

Ш. А это, видимо, интересует многих?

Ч. Не сомневаюсь.

Ш. Что вы можете сказать об этих людях?

Ч. Информаторов «Свободной Европы» можно разделить на несколько категорий. Есть среди них расчетливые и отъявленные враги нашего строя. Они действуют сознательно и преднамеренно. Я знаю фамилии этих людей... Есть и обычные распространители сплетен. Они рассказывают различные где-нибудь услышанные истории, зачастую даже не зная, с кем разговаривают. Их откровения попадают в «Энглишер Гартен» сложными путями и чаще через «корреспондентов» «Свободной Европы». На основе таких дружеских бесед со «знакомыми» венский или парижский «корреспондент» пишет свой доклад, который затем поступает в Мюнхен. Чтобы отчет был в меру правдивым и аргументированным, «корреспондент» старается обязательно узнать фамилию человека, приехавшего из Польши и разболтавшего что-то своему «знакомому». Это делает шпионское

донесение более конкретным и достоверным документом. Многие люди, выезжающие на Запад, не отдают себе отчета в том, что их фамилии фигурируют в картотеке, которая находится в кабинетах радиостанции «Свободная Европа».

Но есть и другая группа людей, казалось бы порядочных и честных. Они предоставляют информацию, хорошо зная, кому и для какой цели. Так, известный польский журналист Б общался с лицами, будучи хорошо осведомлен, какие они выполняют функции и что склоняет их к контактам с ним. Такие люди, как он, особенно ценны для «Свободной Европы». Когда есть шансы установить контакт с кем-либо из подобных людей, тогда сам директор Новак хватается чемоданчик и едет на встречу в Австрию, Францию, Швейцарию, а иногда даже в Лондон, чтобы лично побеседовать на интересующие его и Центральное разведывательное управление темы. Тут уж не может быть и речи о неосведомленности приехавшего с Вислы человека о том, что от него хотят и зачем. Повторяю, нам известны фамилии всех таких людей.

Ш. Это звучит угрожающе.

Ч. Пусть эти люди знают — им не скрыть своего предательства. Однако следует заметить, что Новак во время своих молниеносных визитов не раз попадал в неприятные истории. Так, в Париже некий поляк, человек, занимающий высокий пост, просто выдворил Новака из гостиницы. Очень многие люди вообще не хотели разговаривать с «корреспондентами» «Свободной Европы». Так было с Поморским, которого высмеяли студенты, когда он попытался что-

либо выпытать у них на венском вокзале 14 августа 1967 года. «С ними нельзя спорить,— писал потом в своем донесении Поморский.— Они не принимают критики в адрес своей родины. Их характерной чертой является патриотизм». Честно говоря, когда я читал такие донесения, на сердце становилось легче. Я получал большое удовлетворение, узнавая, что многие люди должным образом относятся к шныряющим вокруг них «охотникам».

Господин Новак и компания

Ш. В течение шести лет вы встречались с различными сотрудниками «Свободной Европы», знали их по работе и наверняка в частной жизни. Что это за люди, которые упорно пытаются «исправить народную Польшу»? Какое они производят впечатление в личных контактах?

Ч. Характеризуя их в целом, я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что это абсолютно безыдейные люди, которые ни во что не верят. Польша и ее дела их интересуют постольку, поскольку это нужно для конкретной радиопередачи. Их повседневные интересы ограничиваются тем, чтобы как можно лучше устроиться в жизни, чтобы как можно больше заработать денег. Во что вложить находящиеся на банковском счету марки, как приобрести собственный домик или акции преуспевающего предприятия — вот их чаяния и заботы. И ничего, кроме этого. Польша в их глазах — отдаленная страна, и действительные ее проблемы этих людей совершенно не интересуют.

Ш. Видимо, сейчас многие слушают вас, испытывая немалое разочарование.

Ч. Возможно, но это и хорошо.

Ш. А сам шеф Новак? Вы сталкивались с ним близко, знакомы с ним по работе?

Ч. В коридорах и кафе «Энглишер Гартен» его называют, конечно в доверительных беседах, не иначе как гангстером, сатрапом, фараоном или держимордой. Ни одно из этих выражений я не выдумал. Об этом говорят в кулуарах. Шефа все боятся, ибо директор может быть жестоким по отношению к сотрудникам, ни с кем не считается и этого не скрывает. Он может унижить чье-либо достоинство, выгнать с работы, а потом принудить писать полные раскаяния письма. Люди его боятся, так как зависят от него, и он это хорошо знает.

Ш. Приведите пример жестокого отношения Новака к подчиненным.

Ч. Так он поступил с актером Корызмой. Даже западногерманский суд признал, что Корызму уволили с работы без каких-либо оснований. Опасаясь скандала, Новак обратился по своим каналам в ЦРУ, и Корызму попросту выслали во Францию под предлогом, что у него заканчивается срок пребывания на территории ФРГ. Дело было особенно неприятным еще и потому, что Корызма обвинялся в краже грампластинок. В действительности же за всем этим скрывалась обычная месть, поскольку, как говорили знающие люди, актер, флиртовал с супругой шефа.

«Героем» другой аферы Новака был редактор Мелешко. Он приехал в Мюнхен из Франции, где жил в крайней нужде с женой и маленькой дочкой. Работа на радиостанции была

для него единственным шансом. Однако Мелешко много конфликтовал с цензорами, которые измывались над его текстами. Возмущенный, он обратился к заместителю Новака — Завадскому. Мелешко во всеуслышание говорил об издевательствах, с которыми столкнулся из-за того, что он якобы не может приспособиться к «тону» «Свободной Европы». Новак, не выносивший противоречий, стал подыскивать случай, чтобы наказать редактора. Однажды Мелешко ушел с работы на пятнадцать минут раньше. На следующий день ему объявили дисциплинарное взыскание. Как известно, освобождение от работы на радиостанции связано с немедленным выселением из служебной квартиры. Для Мелешко это была бы настоящая катастрофа. Начались беседы и переговоры. Наконец Новак заявил, что согласен вновь рассмотреть это дело, но при условии, что Мелешко публично извинится. Мелешко вместо очередной радиопередачи должен был написать письмо, в котором признал бы свою вину и обещал исправиться. Такое письмо было написано, оно находится в архивах «Свободной Европы».

Ш. Кому подчиняется Новак? Из чьей кассы он получает деньги?

Ч. Он подчиняется американским директорам и деньги получает из кассы американской разведки, так же как и все его подчиненные.

Ш. Вернемся к вашим бывшим коллегам, фамилии которых более знакомы польским слушателям. Например, что вы скажете о Мечковской?

Ч. На Западе ее называют «дочерью революции» или «оплотом крестьянства». В настоя-

щее время ее представляют как участницу движения Сопротивления в гитлеровском лагере Равенсбрюк. В действительности же она работала надзирательницей в этом лагере. Мне не хотелось бы давать сейчас характеристики многим другим сотрудникам и называть их фамилии. Некоторые из них люди по-своему честные, и я не желаю быть несправедливым и в некотором смысле неблагодарным. Там работают типичные ремесленники, выполняющие определенные задания и получающие за это деньги. А если иногда они выдают себя за людей, которые хотят «исправить» народную Польшу, то это лишь тактика, разработанная в кабинете Новака и его патронов. Кстати, этого не скрывает и сам Новак. На каждом совещании он повторяет, что, поскольку нет возможности изменить существующий в Польше строй, следует его умело «размягчать». Впрочем, за эту свою тактику Новак иногда вынужден даже оправдываться перед более реакционно настроенным начальством. Это звучит как анекдот, однако временами его обвиняли в «левом уклоне». И Новак вынужден был объяснять своим хозяевам, что это всего лишь тактические шаги, необходимые на данном этапе.

Наш человек в Мюнхене

III. Получают ли сотрудники «Свободной Европы» какое-нибудь моральное удовлетворение от своей работы? Находят ли они признание среди своих бывших соотечественников?

Ч. Ответить на этот вопрос нетрудно. Конечно, сотрудники радиостанции получают письма из Польши. Письма приходят в Мюнхен раз-

ными путями. Большинство из них присылают различные меломаны, которые просят модные пластинки и популярные песенки. Приходят также письма от разных лиц из Польши, в которых авторы хвалят редакцию за передачи и сообщают всевозможные сплетни и слухи. Но должен вам сказать, что огромное большинство подобных корреспондентов «Свободной Европы» — это люди с низким общим уровнем развития. Такие письма, как правило, начинаются словами: «Да будет восхвален Иисус Христос! Во первых строках...». Похвалы таких авторов не могут радовать адресатов, да и информация их не представляет ценности. Впрочем, сам Новак не очень рекламирует среди сотрудников радиостанции эти письма, и уж совсем редко они попадают на письменный стол его патронов. Письма из Польши печатаются в специальном внутреннем бюллетене, но их тщательно подбирают. Письма с какими-либо конструктивными предложениями полностью отсутствуют. Настоящей редкостью бывают письма от решительных противников народной Польши. Эти письма — белые вороны среди общей стаи. На них сразу же набрасываются Новак и его сотрудники, стремящиеся показать и доказать, что они не зря находятся на своем посту. И все же огромное большинство корреспонденции из Польши в основном заваливает столы музыкальной редакции. Особенно много таких писем приходит от молодых любителей «биг-бита», которые порой даже не знают, кому пишут. Их не интересует политика, их мир — это музыка. Но в «Свободной Европе» этим не пренебрегают. Новак всегда повторяет своим подчиненным: «Нашему корреспон-

денту сейчас шестнадцать лет, и его интересуют только пластинки. Однако через пять—десять лет, привыкнув к нашим передачам, он начнет слушать и другие программы». Если, конечно, они еще будут передаваться!

В работе «Свободной Европы» имеется много оттенков, много тактических приемов и к наиболее важным относится миф о «хорошей информированности».

Ш. Действительно ли это миф?

Ч. Да, миф, причем последовательно поддерживаемый. Огромное большинство своей «шокирующей» информации «Свободная Европа» черпает из официальных источников. В здании на Энглишер Гартен тщательно изучают не только центральную и местную печать, но даже многотиражки. Сколько людей в Польше могут читать ту или иную многотиражку? Наверняка несколько тысяч, а в Польше 33 миллиона жителей! После соответствующего препарирования данных многотиражки эти сведения «Свободная Европа» передает в эфир, «поражая» слушателей прекрасным знанием положения дел в Польше. Дополнив некоторые сообщения данными из секретных донесений, радиостанция воздействует на воображение некоторых людей обилием деталей и т. п. На слушателя, конечно, может произвести впечатление, что эти сведения поступают прямо от «их человека», но этот миф очень часто шит белыми нитками. Как-то даже произошел скандал с «корреспондентами» «Свободной Европы», которые из-за отсутствия определенных материалов из Польши препарировали свои донесения на основе критических статей, найденных на страницах местной печати. За это даже была

уволена с работы Игнатович — сотрудница стокгольмского «корреспондента» Лисиньского. В свое время из Швеции поступала масса доношений, которые при более пристальном изучении оказались взятыми из местных газет, даже без редакционных поправок.

Препарированию также подвергаются самые простые официальные сообщения. Это детально разработанный метод. Имеются настоящие «спецы» этого дела, но главным из них является Новак. На ежедневных совещаниях, где мне приходилось неоднократно присутствовать, он не только называл темы и авторов, которые их должны обрабатывать, но также давал точные указания, на что обратить внимание, что затушевать, что оттенить, подчеркнуть. Так рождаются комментарии «независимых» и «борющихся за лучшее завтра Польши» журналистов.

Ш. Один из них сказал в ваш адрес: «Не верю во всю эту историю о чертовски ловком офицере разведки, который раскусил «Свободную Европу».

Ч. Узнаю слова Пешановского. Он выразил предположение, что за несколько месяцев до моего возвращения в Польшу меня шантажировали, и это вроде бы заставило меня «отдаться в услужение». Подобными заявлениями деятели из «Свободной Европы» пытались ослабить то впечатление, которое может произвести на общественность в Польше моя пресс-конференция. Кроме того, это была своеобразная тактика выжидания. Они не хотели делать каких-либо заявлений, пока не знали, чем мы располагаем и с какой стороны будем наносить удар. Но теперь они этого дождались и оказались перед фактами, которые трудно объяснить.

Поэтому они просто молчат или же временами бормочут что-то невнятное. И теперь уже не повторяют ту чепуху, с которой выступили сразу же после моего возвращения, ибо, если я действительно был, по словам Пешановского, «неудовлетворенным молодым человеком»...

Ш. «...Со сложившимися взглядами...»

Ч. Именно это ставит их самих в смешное положение. Каждый сотрудник «Свободной Европы» в конце концов поймет, чего стоит американская разведка, вся система контроля, контрразведки и безопасности, если их удалось провести «неудовлетворенному молодому человеку». Как они поведут себя дальше, какую займут позицию — увидим. У нас имеются такие документы, на которые им трудно будет дать ответ.

Ш. В течение многих лет вы должны были жить одной жизнью с сотрудниками «Свободной Европы». Не трудно ли было вам?

Ч. Жизнь в Мюнхене стоила мне больших усилий и здоровья. Безусловно, это было одно из труднейших заданий и один из труднейших для меня экзаменов. В течение шести лет я вынужден был маскироваться, следить за каждым своим движением и каждым словом, пользоваться языком окружавших меня людей. Этот жаргон не выветрился у меня и по сей день. Другой язык, другие формулировки могли вызвать подозрение. Даже вернувшись на родину, я все еще нет-нет да и скажу: «У нас, в «Свободной Европе», или «на нашей радиостанции».

Ш. А вы никогда не думали навсегда остаться там? Извините за такой вопрос, но ведь радиослушателям интересно все.

Ч. У меня никогда не было никаких колебаний на этот счет. Работать в «Свободной Европе», получать немалые деньги — а «Свободная Европа» платит хорошо — это еще не все. Что может заменить друзей и близких, заменить родину? Люди, среди которых я жил столько лет, остались для меня чужими. Я мечтал опять быть самим собой, жить в своей стране и, главное, не прикидываться тем, кем никогда не хотел быть. Этого не заменят никакие деньги, никакой пост. Так что у меня лично не было никаких колебаний, и я благодарен моему руководству за то, что оно постоянно оказывало мне полное доверие, хотя, надо прямо сказать, задание было нелегким, а я еще сравнительно молодой человек. Скажу откровенно, я и сам узнал себя лучше за эти шесть лет. С большим удовлетворением я не раз отмечал для себя, как крепко связан с родиной, с семьей, с национальными польскими традициями. Самим собой можно быть только на родине, среди своих. А необходимость постоянно маскироваться — одна из самых трудных задач. Это было тяжелейшее испытание. Часто я ловил себя на том, что во время бесед с некоторыми негодьями готов был избить их за те гадости, которые они изрекали.

Ш. Сказывался польский темперамент?

Ч. Мне стоило немалых усилий его обуздать... Чтобы придать видимость стабильности в моей жизни, я поступил на славянский факультет Мюнхенского университета. Там я познакомился со многими студентами, и это были приятные для меня минуты и своеобразное бегство из гетто в «Энглишер Гартен». Это был поистине отдых для психики. Однако я не мог

пренебрегать связями с «коллегами по работе». В моей деятельности они были просто необходимы.

Ш. Как в Мюнхене относились к человеку из «Свободной Европы»?

Ч. Должен сказать, что среди эмигрантов радиостанция «Свободная Европа» пользуется не лучшей репутацией. Они завидуют заработкам корреспондентов, но считают сотрудников «Свободной Европы» людьми, за деньги выполняющими грязную работу. На них смотрят искоса, недоверчиво.

Ш. В своей служебной квартире вы чувствовали себя в безопасности?

Ч. Не совсем. Приходилось держать ухо востро даже в своих четырех стенах, вдали от «Энглишер Гартен». Телефоны подслушиваются, а кроме того, ЦРУ имеет запасные ключи от этих квартир.

Ш. Некоторые документы вы переслали в Варшаву, еще находясь в Мюнхене?

Ч. Да.

Ш. Не вызывало ли подозрений их исчезновение?

Ч. Они не исчезали! Но мы их имеем.

Ш. В последний раз вы пришли на радиостанцию в пятницу 5 марта?

Ч. Да, а в понедельник я уже был на родине.

Ш. Вам так долго пришлось добираться?

Ч. Нет, мы доделывали еще и другие дела. А дорога домой была короткой.

Ш. Как вас здесь встретили?

Ч. Встреча была более чем сердечная.

Ш. Вы рады возвращению?

Ч. Конечно. Наконец-то я могу быть опять самим собой.

Ш. Какие теперь у вас планы?

Ч. Буду писать мемуары и работать там, куда пошлет меня командование. Во всяком случае, я хочу и впредь быть разведчиком.

Ш. Несмотря на то, что это нелегкое и опасное дело?

Ч. Именно поэтому.

Богдан Роменский

КАПИТАН ЧЕХОВИЧ ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНИЛ!

(Беседа с капитаном Чеховичем в редакции газеты «Трибуна люду»)

Введение

Много лет он был за пределами Польши.

8 марта 1971 года Анджей Чехович вернулся на Родину.

— Последняя моя поездка была самой короткой и самой приятной, потому что я возвращался в Польшу,— рассказывает он.

— Товарищ Чехович выполнил задание трудное и сложное,— говорят о нем его старшие товарищи.

Восемь лет назад Анджей Чехович, 26-летний выпускник исторического факультета Варшавского университета, выехал в Англию, затем остановился в ФРГ и обратился к властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Тогда он впервые встретился с офицерами западногерманской и американской разведок. Началась большая игра.

К ней Чехович готовился в Польше. После окончания университета он поступил на работу в польскую разведывательную службу, прошел подготовку и получил задание.

— Я должен был изучить все центры идеологической диверсии на Западе, причем особое

внимание обратить на радиостанцию «Свободная Европа». Мне предстояло проникнуть в один из этих центров, прежде всего в «Свободную Европу». Нас интересовали главным образом методы и формы деятельности этих учреждений, работа отдельных подразделений разведки на радиостанции «Свободная Европа», раскрытие источников информации. Кратчайший путь к цели шел, естественно, через ФРГ. Я попросил политическое убежище в Кельне и сделал это не случайно в ФРГ, поскольку именно на территории этой страны находится радиостанция «Свободная Европа».

У Чеховича еще свежи в памяти воспоминания того периода, когда он ожидал своей участи в лагерях для беженцев. Допросы офицеров западногерманской, а затем американской разведки, грязные помещения для беженцев-иностранцев, которых никто не уважает,— через все это прошел отважный польский разведчик. Разрешение на политическое убежище получить нелегко, а если даже это и удастся, то все равно человек навсегда остается чужим среди чужих.

— Трудно представить более глубокое унижение национального достоинства,— говорит капитан Чехович.

На состоявшейся в Варшаве пресс-конференции на вопрос журналиста американского агентства Ассошиэйтед Пресс, удалось ли разведчику раскрыть источники информации, поступающей из Польши, капитан Чехович кратко ответил:

— Да, удалось.

Капитан Чехович детально изучил механизм разведывательной деятельности «Свободной

Европы». Он работал в наиболее секретном отделе этой радиостанции, которым непосредственно руководила американская разведывательная служба — ЦРУ. В период его пребывания там во главе радиостанции стояли полковники Кук, а затем Браун. Польский отдел возглавлял Казимеж Заморский. Капитан Чехович имел доступ к самым секретным документам. Именно они, препарированные на кухне радиостанции «Свободная Европа», служат пищей для клеветнических радиопередач.

Капитан Чехович хорошо изучил и сотрудников польского отдела.

— Эти люди уже ничего общего не имеют с Польшей, — сказал он. — Они просто зарабатывают деньги на том, что когда-то жили в Польше и знают польский язык. Они исполнители воли шефов из американской разведки, которая финансирует все эти мероприятия, а мифы о взносах для «Свободной Европы» и частных фондах не выдерживают никакой критики, ибо деньги из этих источников составляют лишь тридцать четвертую часть той суммы, которая поступает из ЦРУ. При таком положении вещей совершенно очевидно, что сотрудников радиостанции интересуют исключительно деньги. Это порождает беспрекословное повиновение, поскольку Новак, агент американской разведки, перекупленный американцами после войны у англичан, выдворяет из «Свободной Европы» любого, кто не выполняет задания, как требуют хозяева.

Направления и методы деятельности польского отдела капитан Чехович досконально изучил в период своей работы в Мюнхене. Он присутствовал на совещаниях у Новака, где

обсуждались различные задания. Как потом выяснилось, Новак излагал не все полученные инструкции. Более важные, особо секретные указания шеф передавал наиболее доверенным людям лично.

— Короче говоря, — рассказывает капитан Чехович, — в задачу польского отдела входило вещание на Польшу таких материалов, которые бы сеяли панику и замешательство, противопоставляли партию народу, подрывали доверие к политическому и государственному руководству. После декабрьских событий рекомендовалось подрывать веру в возможность нормализации положения в стране. Новак как-то сказал: «Строй в Польше нам не удастся изменить. Следовательно, надо делать все, чтобы его ослаблять и подрывать».

Долго длилась беседа с капитаном Анджеем Чеховичем. Ко многим ее аспектам мы еще вернемся.

Незадолго до посещения редакции разведчик выступил на пресс-конференции, которую вел главный редактор польского агентства «Интерпресс» Ежи Солецкий. На ней присутствовали многие польские и иностранные журналисты, аккредитованные в Варшаве.

Корреспондентам стало, в частности, известно, что информаторы «Свободной Европы» в западных странах собирают материалы для американской разведки. Впрочем, материалами разведывательного подразделения «Свободной Европы» пользуются и другие лица, например, пресловутый Визенталь и его сотрудники. Капитан Чехович рассказал также, что некоторые старые сотрудники «Свободной Европы» весьма недоброжелательно относятся к эмигрантам,

прибывшим в ФРГ с 1968 года. Все такого рода распри обычно прекращал Новак: «Не важно, что это за люди. Важно, чтобы они плохо говорили о Польше». Так встречают в Мюнхене всех, кому ненавистна народная власть в Польше, и под зорким оком ЦРУ привлекают к политическим диверсиям.

В последнее время положение «Свободной Европы» в ФРГ осложняется. К взаимной подозрительности среди сотрудников прибавилась еще нервная неуверенность: останутся ли они в ФРГ? В западногерманской печати все больше раздается голосов, критически оценивающих клеветнические выходки «Свободной Европы». Все больше людей на Западе признает, что деятельность этой разведывательно-пропагандистской организации препятствует смирению международной напряженности.

Пресс-конференция подходит к концу. В заключение капитан Чехович говорит:

— Выполняя такое сложное задание, я не чувствовал себя одиноким. Я знал, что со мной друзья, со мной Родина. Сознание этого придавало мне силы и вселяло надежду. Это чувство не передать словами...

«Свободная Европа» — орган американской разведки

— Разрешите, товарищ капитан, передать вам привет, поздравления и наилучшие пожелания от многочисленных читателей «Трибуна люду». Ваш рассказ о радиостанции «Свободная Европа» вызвал большой интерес. Короче говоря, соотечественники гордятся вами. Они задают множество вопросов, так что, если не

возражаете, продолжим пресс-конференцию, только на этот раз уже с участием наших читателей.

— Я благодарю читателей «Трибуна люду» за сердечные поздравления. Однако мне хочется подчеркнуть, что это признание и высокую оценку я принимаю не только в свой адрес. Я работал не один, в современных условиях это просто невозможно. Я выражаю огромную признательность командованию и всем товарищам, кто подготовил меня к этой работе, облегчил мне выполнение задания. Таким образом, эти сердечные поздравления следует отнести в адрес многих товарищей по службе.

— Какие были у вас предпосылки для того, чтобы завоевать доверие таких специалистов разведки, как офицеры ЦРУ и их представители в «Свободной Европе»?

— Они попались на удочку политического беженца, молодого человека родом из старой шляхетской семьи, который якобы тоскует о «свободном мире». Но этого могло быть и не достаточно. Самое главное, я хорошо был подготовлен в Польше, поэтому сумел вынести все испытания в лагерях для беженцев. У Новака, в «Свободной Европе», я решил сохранить свою фамилию, под которой меня знали коллеги по Варшавскому университету. Эту линию поведения дополняли и другие, я бы сказал уже профессиональные, методы поведения. Нами были настолько изучены «шефы» из Мюнхена, что я знал, например, что они любят, а чего не любят, о чем с ними беседовать и как вести себя. С этой точки зрения, говоря языком разведки, они были уже «засвечены» до моего приезда. Их поведение в отношениях со мной

полностью совпало с той информацией, которой мы располагаем. Сегодня мы знаем их еще лучше.

— Один из читателей очень обеспокоен судьбой тех, кто, по его словам, очень часто по человеческой глупости лезет на Запад и оказывается в лагерях для беженцев...

— Его волнение не лишено оснований. В лагере в ожидании решения своей эмигрантской судьбы приходится пережить такие унижения, которые трудно себе даже представить. Условия там ужасные. Я жил в лагере в Цирндорфе в мерзких, грязных помещениях. Спал на нарах, на пропахших потом матрацах, под грязным грубошерстным одеялом. Раз в день мы получали горячую пищу, немного хлеба, кусочек маргарина, иногда обеды в виде куска мяса самого худшего сорта. И этой порции должно было хватить на весь день. Начальство этого лагеря крадет, сколько хочет, прямо на глазах беженцев. И, наконец, допросы, бесконечные допросы, часто на одну и ту же тему, причем многие вопросы касаются наиболее интимных вещей. Так человек попадает в руки иностранной разведки и ждет предоставления политического убежища. Но не каждый его получает. Из поляков, как я понял, шансы имеют один-два человека из десяти. С отказом в предоставлении убежища связана громадная трагедия для некоторых людей.

— На пресс-конференции вы говорили об атмосфере подозрительности, которая царит среди сотрудников радиостанции «Свободная Европа»...

— Этому не стоит удивляться. Ведь известно, что одни из них — кадровые сотрудники

американской или западногерманской разведки, а другие — просто шпионы Новака или американской контрразведки. Они постоянно доносят о том, кто что делает, кто с кем и о чем говорит. В отделе, где я работал, как выяснилось, трое из семнадцати сотрудников занимались доносами, и мне их приходилось остерегаться.

Припоминается одна забавная — конечно, это сейчас она кажется забавной — история. Со мной в одной комнате работали ас подозрительности и первый доносчик Микицюк, а также соглядатай Новака Кусьмерчик, которому шеф велел следить за Казимежем Заморским. Как-то сильный порыв ветра неожиданно распахнул окно. Все вздрогнули, я же на это не среагировал и продолжал что-то писать. Микицюк, посмотрев в мою сторону, сказал: «А пана хорошо вышколили...»

— Вернемся к вашему основному заданию. Вы изучили диверсионную деятельность «Свободной Европы», источники разведывательной информации, получаемой иностранной разведкой, узнали методы ее обработки, пересылки и использования. Этой работой занимаются около 130 человек. Что это за люди?

— Возможно, когда-то они имели основание говорить о себе как о политических деятелях, представляющих различные группировки в Польше. Возможно, когда-то они отстаивали свои, хотя и чуждые нам политические или идейные концепции. Теперь же, после 30-летнего вращения в мире бизнеса и национального предательства, эти люди не имеют права называть себя защитниками польских интересов. Они продали себя за деньги. Что бы они

ни говорили, они фактически защищают интересы иностранных государств и чуждую нам идеологию. И пусть они не прикидываются, будто не знают, за что идет борьба. Они хотят помогать милитаристам, это дело их совести, но пусть не называют себя защитниками польского народа. Лично я убедился, чего они стоят.

В нашей семье гордились предком — участником январского восстания, и меня воспитывали в духе патриотизма. То, с чем я столкнулся в «Свободной Европе», иначе как позорным предательством назвать нельзя. Впрочем, я полагаю, что ЦРУ даже переплачивает сотрудникам из Мюнхена, так как они обманывают своих шефов в донесениях.

Многие сотрудники «Свободной Европы» не скрывают своего циничного меркантилизма. Они дорвались до богатой кассы и хотя на радио говорят по-польски, шпионские донесения пишут по-английски.

Наконец, есть открытые ярые враги Польши, и только расчетливость Новака, который следит, чтобы эти люди слишком не наскандалили, заставляет их держаться в рамках регламента деятельности такого подразделения, как польский отдел. Это прежде всего группа беженцев и эмигрантов, связанных с международными антипольскими и антисоветскими сионистскими центрами.

Всю эту мюнхенскую группу трясет нервная лихорадка: все хотят получше выслужиться, побольше заработать, ибо никому не известно, сколь долго еще будет действовать кормушка в «Энглишер Гартен».

А пока в Мюнхене ежедневно старательно выполняются указания ЦРУ, которые плани-

руются в Вашингтоне в соответствии с проводимой «психологической войной» и современными принципами политической диверсии. Ложь, клевета, сплетни, травля отдельных лиц, кампании против партии и властей, то есть любые приемы, рассчитанные на то, чтобы подорвать веру людей, сбить их с толку,— все это широко используется в деятельности радиостанции «Свободная Европа». И все это прикрывается фразами: «Польша, польское, поляки, братья...» Нам надо остерегаться такой «родни».

Теперь я хорошо знаю сотрудников «Свободной Европы» и не удивляюсь тому, что сейчас в Мюнхене царит растерянность. Ведь мне многое известно о предательской деятельности «Свободной Европы». Вот поэтому предатели нервозно изыскивают способы, чтобы как-то очернить меня. Но я располагаю фактами, документами, а у них их нет.

Добыто много документов

— Один из сотрудников польского отдела, признавая факт, что вы работали в «Свободной Европе», сказал в радиопередаче: «Я не верю во всю эту историю о дьявольски находчивом офицере разведки, который раскусил «Свободную Европу».

— В данном случае не может быть речи о том, чтобы верить или не верить. Я сумел передать многие документы. Сегодня мы располагаем достоверными материалами о тесной финансовой и деловой связи радиостанции «Свободная Европа» с ЦРУ, а также инструкциями, которые дает американская разведка различным «национальным отделам» радиостан-

ции в Мюнхене. У нас есть документы, красноречиво свидетельствующие об источниках информации, которую собирает разведывательное подразделение радиостанции «Свободная Европа». Скоро общественность познакомится с этими материалами.

— Расскажите о вашей работе в Мюнхене.

— Работая в разведывательном подразделении «Свободной Европы», я вынужден был в соответствии с действующими там принципами пользоваться определенными методами. Фактически там применяются те же приемы, что и в разведке. Донесения, поступающие от так называемых корреспондентов, хранятся в специальных конвертах. В других, запечатанных сургучом конвертах находятся сведения об информаторах. Оба конверта обозначены одним и тем же номером. Используя специальную технику открывания конвертов, я систематически заглядывал в эти секретные материалы. Кое-какие из этих досье мне удалось захватить с собой «на память», а многие материалы я передавал на родину раньше. Естественно, добывать их было нелегко, тем более, если учитывать мое особое положение. Как мне известно, все эти материалы использованы надлежащим образом нашими органами.

— Как обрабатываются донесения в Мюнхене?

— Донесения «корреспондентов» «Свободной Европы» из западных стран, а также из Польши в основном не представляют особой ценности. Но если, с точки зрения разведки, информация содержит ценные сведения, ее подвергают соответствующей обработке.

Копии, в зависимости от степени секретно-

сти, снимают на бумаге разного цвета. Самые секретные материалы печатают в трех экземплярах на голубой бумаге. Их снабжают примечанием: «По прочтении уничтожить». Как я убедился, это указание соблюдают не всегда. На зелено-желтой бумаге печатают в пяти экземплярах материалы меньшей секретности. Их рекомендуется распространять среди особо доверенных сотрудников радиостанции, которые обязаны после ознакомления этот материал уничтожить. И, наконец, материалы, отпечатанные на белой бумаге в одиннадцати-двенадцати экземплярах, раздают сотрудникам радиостанции в качестве руководства при подготовке ими передач.

— Используют ли «корреспонденты» радиостанции «Свободная Европа» болтливость наших земляков за границей?

— С этой целью организована целая система. Почти в каждой стране есть «корреспондент», вместе с которым работает несколько сотрудников, так называемых «духоловов». По своим каналам они узнают, кто приезжает за границу в служебную командировку или частным образом, и ищут контактов с этими людьми. Мне приходилось читать отчеты о таких встречах. Некоторые из этих отчетов я захватил с собой. Вот один из примеров. «Духолов» не знал даже фамилии собеседника. Видимо, контакт был случайным, ибо, даже когда собеседник оставляет за собой право не называть себя, агент «Свободной Европы», уверяющий его, что фамилия не будет упоминаться, обязан сообщать сведения персонального характера. В данном случае агент не узнал фамилии собеседника и поэтому вынужден был

ограничиться описанием: «учитель, около 35 лет, прибыл по приглашению, работает в лицее, плохо отзывается о своем директоре» и т. д. Невинная беседа! Учитель даже не подозревал, с кем говорит. Однако этого оказалось достаточно, чтобы составить донесение. Теперь на обоих — и на учителя, и на директора — заведены карточки, а факты могут служить материалом для соответствующей передачи.

Это, возможно, мелкий случай, но имеются более серьезные донесения, касающиеся военной или экономической тайны, частично раскрытой в невинном разговоре. Эти данные скрупулезно собираются для американской разведки и лишь частично используются в радиопередачах.

— А каковы источники информации из Польши?

— Например, письма. Так, молодые меломаны обращаются с просьбами передать «биг-бит». Надо признать, что шефы «Свободной Европы» с удовлетворением принимают эти письма: вот, мол, смотрите, нас слушают. Молодые любители музыки должны задуматься над тем, кому они пишут и чему способствуют своими невинными письмами. В других письмах содержатся сообщения, я бы сказал доносы, специального характера. Их внимательно изучают. Придет время, когда мы в открытую будем говорить обо всех известных нам источниках.

Неоспорим тот факт, что в «Свободной Европе» в 1968 году чувствовалось резкое сокращение объема поступающей информации.

Потом в Мюнхен стала прибывать «новая эмиграция». Ее представители всеми способами продавали сведения, которыми располагали

и которые просто выдумывали. Часть этих людей вначале попала в Вену, где они давали показания в пресловутом шпионско-диверсионном центре Визенталя. Там их вербовал По-морский, венский «представитель» «Свободной Европы», и направлял в Мюнхен. Со своими услугами туда приходили известные когда-то своей активной деятельностью в Польше Выгодский, Житомирский, Слуцкий, Ковальский, Мушкат, Шехтер и др.

Эти люди в то время были главным источником информации. Зная их отношение к Польше, можно себе представить, что они говорили.

Потом стало значительно меньше возможностей для получения информации, столь необходимой «Свободной Европе» для открытых и замаскированных нападков на нашу страну.

— Что думает средний немец в ФРГ о деятельности «Свободной Европы»?

— Вот характерный пример. Я был знаком с одним журналистом. Когда он узнал, что я работаю в «Свободной Европе», то заявил мне буквально следующее: «Я порву с тобой всякие отношения, если ты не уйдешь из этого бандитского логова». Потом он мне сказал: «Я бываю в Польше и знаю вашу страну. Вы молоды и нужны там, а вы здесь работаете против своей родины».

Земляки этого журналиста ведут весьма скромный образ жизни. Их неприязнь к «Свободной Европе» основана также и на подозрении, что эта радиостанция содержится за их счет. И хотя это учреждение финансируется американцами, жители ФРГ думают иначе и очень неодобрительно посматривают в сторону здания на «Энглишер Гартен». Эти настроения

усугубляются еще и тем, что сотрудник «Свободной Европы» зарабатывает в несколько раз больше, чем средний гражданин ФРГ.

Трезвые политики в ФРГ безоговорочно заявляют, что «Свободная Европа» — пережиток политики «холодной войны», что ее деятельность препятствует нормализации отношений с Восточной Европой, мешает проводить политику правительства Брандта. После того как в американском конгрессе было объявлено о связях ЦРУ со «Свободной Европой» и фактах финансирования этого учреждения в Мюнхене американской разведкой, трезвые голоса, призывающие положить конец «свободноевропейской» афере на территории ФРГ, зазвучали еще громче. Баварская же печать пляшет под дудку Штрауса и защищает «Свободную Европу».

Дополнительные осложнения, имеющие деликатный международный характер, заключаются еще и в том, что агенты «Свободной Европы» действуют в самих же западных странах. Собранные ими материалы, как известно, используются американской разведкой.

— Что вы думаете по поводу высказанного «Свободной Европой» удивления в связи с тем, что вы оставили в своей квартире в Мюнхене личную корреспонденцию, календарь и вообще покинули квартиру в таком виде, будто хотели в нее вернуться?

— А разве я должен был дать им понять, что еду в Варшаву? Ведь к любой служебной квартире лица из охраны «Свободной Европы» имеют ключи. Об этом, впрочем, они сообщают, вручая их. В любой момент они могут войти, все проверить и незаметно выйти. И они это постоянно делают...

Ян Рущиц

ЗАКУЛИСНАЯ СТОРОНА КАМПАНИИ

(«Трибуна люду», 28 марта 1971 года)

На первой же пресс-конференции капитан Анджей Чехович сказал, что он неоднократно убеждался в наличии тесных связей «Свободной Европы» с другими центрами империалистической диверсии, в том числе и с сионистскими организациями, ведущими яростную антикоммунистическую кампанию. Существование таких связей позволяло разведчику Чеховичу получать и передавать в Польшу сообщения о намерениях и деятельности не только «Свободной Европы», но и ее партнеров. Добытые сведения вместе с тем красноречиво свидетельствуют о том, что деятельностью «Свободной Европы» руководит американский разведывательный центр, который уже замешан во многих мероприятиях, направленных против Польши и других социалистических стран. В этом особенно заметна полная согласованность деятельности «Свободной Европы» и сионистских организаций.

Заслуживают внимания факты антисоветской деятельности сионистских организаций. Об этом сообщил в Польшу капитан Чехович в последние недели своей работы на чужбине. В частности, он вскрыл многие закулисные

стороны провокационной вылазки под названием «Всемирная конференция в защиту советских евреев», которую сионисты организовали 23—25 февраля в Брюсселе. Эта антисоветская кампания особенно усилилась в канун XXIV съезда КПСС, преследуя цель ослабить международный резонанс съезда и подорвать авторитет миролюбивой советской внешней политики.

В министерстве иностранных дел нас познакомили с содержанием трех донесений капитана Чеховича. Они касались именно этого вопроса — антисоветской и антикоммунистической кампании сионистских организаций. Как видно, эти организации не имели секретов от «Свободной Европы», а тем более от ее отделов, связанных с ЦРУ.

В первом донесении, переданном в конце января 1971 года, сообщалось о планирующейся так называемой брюссельской провокации. «Совет НАТО,— говорилось в донесении,— рекомендовал всеми средствами массовой информации широко пропагандировать в странах-участницах ход и итоги работы конгресса». Чехович сообщал далее, что посол Израиля в Бельгии Алон «призывал организационный комитет рассмотреть также вопрос бойкота еврейскими фирмами торговли с Востоком».

Очередное донесение Чеховича, переданное в феврале, рассказывало о секретном совещании, состоявшемся в январе в Париже. Это было так называемое «собрание видных представителей сионистских организаций в Европе», охватывающих своей деятельностью Бельгию, Голландию, Люксембург, Францию, Италию, ФРГ и Великобританию. Как правило, его созывают с одной-единственной целью — при-

нять важные коллективные решения по вопросам европейского сионистского движения.

Какие же проблемы обсуждались и какие решения были приняты на этом тайном сборище? «Что касается Польши, то решено, в частности, — сообщал капитан Чехович, — предпринимать меры по созданию атмосферы подозрительности вокруг некоторых партийных и государственных деятелей Польши». Обращает на себя внимание тот факт, что эта директива полностью совпадает с основными задачами деятельности радиостанции «Свободная Европа».

На парижской встрече борьбу против социалистических стран рассматривали в комплексе, причем главное внимание было уделено вопросам усиления антисоветской кампании. В частности, обсуждались способы и пути проникновения в СССР и другие социалистические страны. Утверждалось, что Скандинавские страны, особенно Дания и Швеция, продолжают оставаться удобными исходными пунктами для ведения диверсионной деятельности против социалистических стран. На сионистский центр в Вене возлагалась задача по сбору информации о людях, «представляющих интерес с точки зрения их компетенции и квалификации».

В Париже выступил также некий «великий магистр» Циммерманн. Он проинформировал участников собрания о продолжительном разговоре, состоявшемся в декабре 1970 года в США. «Кроме того, он уверял, — говорится в донесении Чеховича, — что ложа, которую он представляет (насчитывает она около 120 чле-

нов), имеет большое влияние в промышленных кругах ФРГ и может оказывать огромное давление на курс боннской внешней политики».

И, наконец, третий из упоминаемых здесь документов — это донесение капитана Чеховича, датированное последними числами февраля (8 марта капитан возвратился на родину). «21.2. 1971 года, — в частности, читаем в нем, — в Париже в гостинице «Георг V» состоялось тайное совещание видных деятелей сионистского движения с участием Бен Гурциона. В нем участвовало около 20 человек, в том числе М. Бейгин и проф. С. Этлингер из Израиля, раввин Шахтер из США и К. Кельман из Франции. Подобное тайное совещание в узком кругу состоялось через несколько дней и в Брюсселе, во время всемирного еврейского конгресса. На упомянутых тайных совещаниях обсуждался вопрос, как принудить СССР выдать разрешение советским евреям эмигрировать в Израиль.

Было принято, в частности, решение о том, что широко задуманная пропагандистская акция против СССР должна иметь видимость, будто она ведется вовсе не с антикоммунистических позиций. Исходя из этого, поставлена цель привлекать на свою сторону либеральные силы, в том числе нееврейские».

Донесение Чеховича содержит детали программы антисоветской кампании, организованной главарями сионистского движения. Эта программа, как сообщал Чехович, предусматривает:

«— бойкот советских представительств и мероприятий;

— проведение демонстраций перед представителями СССР за границей;

— оживление контактов с евреями в СССР, провоз контрабандой на Запад писем, воззваний и т. д.;

— публикация сообщений «очевидцев» из СССР, их показаний, биографий и т. д.».

Во всех этих действиях, сообщал далее капитан Чехович, должны активно участвовать прибывшие в последнее время из СССР, Польши и других социалистических стран эмигранты-евреи.

Капитан Чехович передал также важные данные о террористической деятельности «лиги защиты евреев» в США, руководимой пресловутым раввином Мейером Кахане из Нью-Йорка. Лига создала тайный террористический отряд под названием «Хагана». «Главная его цель,— отмечает Чехович,— организация актов террора в отношении граждан и представительств СССР и других социалистических стран в США и Европе. «Хагана» возникла по инициативе и при финансовой помощи ЦРУ. Кахане в конце 1970 года получил от американской разведки 400 тыс. долларов для «Хаганы». В настоящее время Кахане проводит вербовку эмигрантов из СССР и Польши. Созданы филиалы этой организации в Риме и Женеве, организуется филиал в Париже».

«Хагана» планировала даже похитить одного из советских консулов в США в качестве заложника, однако ЦРУ рекомендовало ограничить террористическую деятельность этой организации в США.

Сионистские организации маскируют свою деятельность против Советского Союза и дру-

гих социалистических стран фразами о якобы «гуманных» целях. Данные, которые добыл в «Свободной Европе» капитан Чехович, еще раз со всей очевидностью подтверждают, что речь идет о запланированной антисоветской акции, при проведении которой не брезгают никакими средствами. «Свободная Европа» действует рука об руку с сионистскими организациями. Большинству этих «мероприятий» покровительствуют руководители мюнхенского диверсионного центра ЦРУ, и цели этой согласованной акции, несмотря на маскировку, очевидны: отвлечь внимание мировой общественности от агрессивных действий израильского правительства, поддерживаемого международным империализмом.

Богдан Свенткевич

ВСТРЕЧИ С ОФИЦЕРОМ РАЗВЕДКИ

*(Беседы в редакции газеты «Жолнеж
вольности»)*

Польский офицер капитан Чехович

Мы нанесли визит в Главное разведывательное управление. Приняли нас гостеприимно и сердечно.

Какие же они, шефы капитана Чеховича, руководители разведуправления? Это энергичные и находчивые люди. Разумеется, они не могли рассказать нам всего, таковы законы разведки. Однако из бесед с ними неоспоримо вытекает, что эти люди безгранично преданы Польше, что они делают все, чтобы выполнить поставленные перед ними задачи. Шефы капитана Чеховича не скрывают своего удовлетворения по поводу того, что «наш Анджей», как они его называют, уже вернулся на родину, что он хорошо выполнил свою миссию, завершил многолетнюю работу, которая была одновременно и опасной игрой с грозным противником, и борьбой с собственными слабостями. Не будем скрывать, что работа на территории противника — это суровый, кропотливый и изнурительный труд. Нужно обладать необычайно сильным характером, чтобы постоянно играть однажды избранную роль, чтобы ежедневно следить за каждым

своим жестом и словом. Нужно, наконец, глубоко верить в справедливость дела, которому служишь, которому посвятил себя, во имя которого переносишь огромное нервное напряжение.

Офицеры разведуправления не говорили нам об этом, но можно легко догадаться, что и они в связи с миссией капитана Чеховича пережили немало беспокойных дней, провели не одну тревожную ночь. Операция была трудной, рискованной и сложной. От совершенства взаимодействия между управлением и Чеховичем зависело многое, собственно, успех всей миссии.

Капитан Чехович находился, можно сказать, на нескольких фронтах. Его деятельность не ограничивалась исключительно «Свободной Европой», и если об этом не знают некоторые сотрудники этой радиостанции, то мы можем их заверить, что капитан Чехович выполнял миссию широкого масштаба. Впрочем, в этом ему помогала сама радиостанция «Свободная Европа», ведущая разведку против государств, на территории которых она развивает свою деятельность. Доказательства этому имеются.

В ближайшее время многие материалы, добытые капитаном Чеховичем, будут преданы гласности. Мы знакомы с их содержанием. Их опубликование вызовет большое замешательство не только в «Свободной Европе», не только в разведцентрах некоторых западных государств, но и в определенных организациях реакционной польской эмиграции на Западе, а также в сионистских кругах.

Такую всестороннюю деятельность мог осуществить только талантливый офицер развед-

ки под руководством крупных специалистов, имеющих богатый опыт по проведению разведывательных операций широкого масштаба.

Странички из биографии

Телевизионная камера, знаю это по себе, немного волнует и смущает. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что человек становится не таким, какой он есть в обычной обстановке. Глядя на капитана Анджея Чеховича перед камерами телевидения и слушая его рассказ, я пришел к выводу, что даже он, офицер разведки, человек с исключительно крепкими нервами, волнуется и держится более официально, чем в повседневной жизни.

И действительно, при более близком знакомстве оказалось, что Анджей Чехович — симпатичный молодой человек, обладающий чувством юмора, большой эрудицией, готовностью идти на риск и еще целым рядом других достоинств, без которых нельзя было бы выполнить порученную ему специальную миссию.

В нашей редакции Анджей сердечно встретился со своими однокурсниками по учебе в университете. За чашкой кофе, между прочим, выяснилось, что однокурсники Чеховича, узнав о его «бегстве» из Польши, не слишком лестно отзывались о нем. Ничего не поделаешь! Это тоже следует записать в расчетный баланс потерь и прибылей офицера разведки...

Капитан Анджей Чехович — человек скромный и простой. Он абсолютно не пытается изображать из себя «героя дня». Разговаривал он с нами искренно, много рассказал, в том числе и о своих жизненных неудачах. В этой

беседе раскрылся весь его облик, облик молодого современного человека.

Интервью мы начали традиционно, как обычно берут интервью у людей популярных. Следовательно, разговор пошел сначала о детстве.

Как и на каждую польскую семью, минувшая война наложила свой отпечаток и на судьбу семьи Чеховича. Отец Анджея, подхорунжий, кавалерист, участник сентябрьской кампании 1939 года, оборонял Варшаву и вместе с тысячами польских солдат пережил драму капитуляции и всю войну провел в гитлеровском плену. Вместе с матерью Анджеей оказался на территории Советского Союза. Здесь он начал учиться в начальной школе.

На всю жизнь ему в память врезался плакат, висевший в классе: «Смерть фашистским оккупантам!»

После войны Анджей возвратился в Польшу и вместе с родителями поселился в Силезии. Отец стал работать в одном из сельскохозяйственных предприятий. Анджеей окончил начальную школу, затем гимназию. Был харцером, однажды завоевал звание вице-чемпиона Польши в беге харцерских патрулей. Пребывание в харцерах оказало большое влияние на его характер. Говоря об этой организации юных, капитан Чехович подчеркивает, что она пропагандирует прекрасные традиции любви к родине и готовность служить ей.

Патриотические чувства прививались ему с детства. Рассказы матери и отца, семейные альбомы с фотографиями деда в мундире повстанца 1863 года и отца в мундире кавалериста Войска Польского, медали, ордена и другие реликвии, хранившиеся в семье,— все это сви-

детельствовало о том, что мужчины рода Чеховичей всегда вставали с оружием в руках на защиту родины.

В юношеские годы настольной книгой Анджея Чеховича стал роман о смелом польском разведчике Шайновиче. Анджей восхищался этим героем и мечтал стать похожим на него.

Анджей читал также много исторических книг. История была его страстью с детства. Эта страсть сохранилась и до сегодняшнего дня. Как известно, капитан Чехович по образованию — историк.

Товарищи из разведуправления отмечают и лингвистические способности Чеховича. На наш вопрос, сколько он знает языков, Анджей ответил:

— Немецкий, русский, сербскохорватский, пассивно знаю еще несколько славянских языков. И, конечно, английский.

Когда мы спросили, любит ли он спорт и занимался ли им, наш собеседник очень оживился:

— Спортом занимаюсь постоянно, поскольку в нашей профессии физическая подготовка имеет особо важное значение. Занимался боксом, футболом, легкой атлетикой, бегал на 3000 и 1000 метров. Это основные виды. Кроме того, иногда занимаюсь гимнастикой и тяжелой атлетикой...

— Испытываете ли вы боязнь высоты?

— Много раз летал на самолете. Правда, с парашютом не прыгал.

— Если бы вам приказали прыгнуть с парашютом, как бы вы поступили?

— Если бы это было необходимо для выполнения задания, прыгнул бы без колебаний.

— Из какого оружия больше всего любите стрелять?

— Из пистолета. Скажу, не хвалясь, что в стрельбе из пистолета добиваюсь неплохих результатов. В Варшавском университете на занятиях по военному делу нас учили стрелять из пистолета-пулемета. Вначале у меня получалось неважно, но после упорных тренировок я добился хороших результатов.

— Где вы проходили военную подготовку?

— Военную подготовку я проходил в щецинском гарнизоне и тогда получил звание подхорунжего.

Цена разведывательной операции

— Думаю, что человек осознает значение военной службы,— говорит далее капитан Чехович,— лишь после ее окончания. Тогда он полностью отдает себе отчет в том, что возмужал, научился переносить психическую и физическую нагрузки, научился понимать, что его место в обществе определяется принципом: не только брать от общества, а многое отдавать ему. Военная служба помогает осознать необходимость быть дисциплинированным, подчинять личные интересы интересам общества. Моя работа в разведке была не чем иным, как военной службой. Единственная разница заключалась лишь в том, что я не ходил в военной форме, хотя с военной точки зрения я вел разведку в тылу противника...

И наконец, для всех людей, работающих в разведке, очень существен вопрос, какова личная цена проведения разведывательной операции. Не хочу быть банальным и повторять, что

разведчик — это обычный человек, который также имеет право на страх. Как мне удавалось преодолевать нервное перенапряжение, которое порой я испытывал? Не скрою, что я пережил немало тяжелых минут от сознания ответственности за порученное мне боевое задание. Я постоянно чувствовал себя солдатом, который должен любой ценой выполнить приказ.

Некоторые западные авторы по известным причинам стараются приуменьшить значение деятельности капитана Чеховича, поэтому вспомним, что работа на радиостанции «Свободная Европа» была лишь частью задания, которое он выполнял. Капитан Анджей Чехович достал также документы и сообщения о наших вооруженных силах, и эти документы он обнаружил отнюдь не в архивах радиостанции «Свободная Европа». Напрасно автор, который находится в Польше, считал, что две буквы и несколько цифр, которыми он подписывал свои материалы, скроют его фамилию. Они не только не скрыли автора, а помогли капитану Чеховичу и его товарищам из разведки отрывочные сообщения скомплектовать в единое целое.

Еще раз вернемся к личному делу капитана Чеховича. На другой же день после опубликования его первого отчета в газете «Жолнеж вольности» в редакцию посыпались письма и телефонные звонки с просьбой подробнее рассказать биографию разведчика. Привожу фрагменты из беседы с ним в редакции газеты.

— Была ли у вас, Анджей, невеста перед выездом на задание? Как реагировали на ваш отъезд родители?

— Невесты у меня не было. Родители не знали о подлинной цели моего выезда. Они знали лишь, что я уезжаю на определенное время. Если бы мать узнала, что я еду как офицер разведки, она бы очень переживала. В течение всего времени пребывания на Западе я имел с семьей переписку. Некоторую часть корреспонденции и маленькие подарки передавало разведуправление.

— Наши читатели интересуются, любите ли вы приключенческую литературу?

— Да, если это хорошая литература. Люблю и умные детективные фильмы. Меня увлекают события, развертывающиеся на экране, и я внимательно слежу за ходом действия. Это дает мне столь необходимую в нашей работе разрядку. Однако, честно говоря, я предпочитаю литературу социального плана...

Является ли капитан Чехович кадровым разведчиком?

Некая разгневанная на капитана Чеховича радиостанция в своих передачах заявила, что он не является кадровым офицером разведки, что он был завербован в разведку уже в период своего пребывания на Западе, что его шантажировали, что, наконец, его похитили и т. д.

Любая такого рода постановка вопроса глубоко ошибочна. Если какая-либо страна признает, что гражданин X — офицер ее разведки, это значит, что гражданин X действительно офицер ее разведки. Господа из радиостанции! Ведь американцы официально заявили, что

Пауэрс работал на разведку. Подобное случилось и с Винном.

Если бы эти господа вспомнили одно событие, которое пережил Анджей Чехович, они бы легко пришли к выводу, что из такой переделки мог выйти только человек, прекрасно подготовленный к любой неожиданности и опасности.

Капитан Чехович рассказал, как готовили его к работе в разведке. Мы задали ему вопрос:

— Скажите, как помогла вам в работе ваша система обучения?

— Меня готовили в условиях, гарантирующих полную безопасность и сохранение тайны,— говорит капитан.— Я прошел очень трудные и сложные испытания. Меня подробно проинформировали о личных качествах моих будущих шефов на Западе. Я изучил их привычки, особенности характера, личные привязанности, адреса и т. д. В ходе обучения я совершенствовался в искусстве вождения автомашины. Очень много занимался самбо, учился стрелять из различного оружия в различных ситуациях...

— Вы сказали, капитан, что вас проинформировали о будущих шефах еще до выезда на Запад. Значит, у вас был предшественник в «Свободной Европе»?

— На этот вопрос в настоящее время ответить не могу. Скажу только, что мы получали весьма точную информацию о «Свободной Европе» из разных источников. Сведения, с которыми меня познакомили в ходе обучения, полностью подтвердились и очень мнегодились. Подчеркиваю, я не имел контактов ни

с кем, кто бы мог быть моим предшественником в «Свободной Европе».

— Насколько хорошо был организован ваш личный контакт с разведывательным управлением?

— Необычайно четко. Не было даже 30-секундной неточности.

— У вас была возможность в случае грозящей вам опасности тотчас же сообщить об этом в управление?

— Да, была. Я мог сразу же предупредить об угрозе моего провала.

— Каким образом вам удавалось добывать разведывательную информацию, работая на радиостанции «Свободная Европа»?

— Организационная структура радиостанции «Свободная Европа» опирается на разведывательную систему. Костяк этой организации составляют кадры сотрудников американской разведки. Следовательно, «кругооборот» информации внутри организации — это прежде всего прилив шпионских материалов. Однако этот «кругооборот» не всегда непроницаем. Мне помогло то обстоятельство, что только департамент анализа и исследований, где я работал, имел доступ к совершенно секретным шпионским материалам. Это была очень рискованная часть моего задания. Если бы меня схватили, никакие объяснения не помогли бы. Был у меня и другой способ ознакомиться с важными материалами, но уже не с совершенно секретными. Этот канал считался легальным, поскольку был связан с выполняемыми мною функциями. Материалы военного характера я добывал с помощью определенных технических методов, применяемых в разведке.

— Все это было связано с большим личным риском?

— Конечно. Пока я еще не могу рассказать обо всем, но однажды мне угрожала очень большая опасность, и чтобы избежать ее, пришлось приложить немало усилий.

— В одной из передач радиостанции «Свободная Европа» Люциан Пешановский заявил, что, если бы была раскрыта ваша подлинная роль в «Свободной Европе», вам бы ничто не угрожало, кроме увольнения с работы.

— Может быть, Пешановский и прав: меня бы уволили с работы. Но мне наверняка бы предложили начать двойную игру. На языке разведчиков это называется перевербовкой. Однако, поскольку я никогда бы в такой роли не выступил, возможно даже, что мне бы и не удалось отметить в этом году свое тридцатичетырехлетие.

— Вы учитывали возможность провала своей разведывательной миссии?

— Да, я принимал это во внимание. Такова уж специфика работы в разведке. Если б я провалился, мне бы грозило длительное тюремное заключение. Впрочем, у нас было разработано несколько вариантов, как мне держаться и какую ждать помощь в случае провала. Хочется отметить, что наше разведуправление было со мной в тесном контакте. Я всегда чувствовал заботу Варшавы, регулярно получал инструкции относительно дальнейшей моей работы. Мне присылали и сердечные пожелания по случаю государственных праздников и моих личных дат. Там, на Западе, я узнал, что меня повысили в звании, я стал поручником. Особую радость мне доставляли маленькие за-

писочки вроде: «Анджей! Мы рады полученному от тебя материалу. Поздравляем с успехом, желаем счастья и хорошего настроения». Иногда такие записки мне передавали от кого-нибудь из руководства службы. Они были примерно следующего содержания: «Поздравляю вас. Продолжайте так же работать и дальше. Будьте стойки, мы думаем о вас». И хотя эти записки я немедленно сжигал, они радовали меня как весточки с Родины.

— У вас не было ощущения, что за вами наблюдают, что вам до конца не верят в «Свободной Европе»?

— Службой безопасности в «Свободной Европе» руководит американская контрразведка. Это хорошо подготовленные в профессиональном отношении люди. Разумеется, под прицелом у них находятся все сотрудники радиостанции, следовательно, и я не был исключением. Впрочем, я проявлял максимум бдительности. Однажды мне показалось, что у них в отношении меня что-то имеется. Как-то шеф поздоровался со мной иначе, чем обычно. В другой раз кто-то долго шел за мной по пятам по улице. К этим деталям мы, разведчики, очень чувствительны.

— Замечали ли вы когда-нибудь в своем доме следы обыска?

— Обычно я поворачивал ключ в двери два раза. Однажды, возвратившись, обнаружил, что ключ повернут только раз. Я тщательно осмотрел всю квартиру, но не обнаружил никаких следов. Возможно, обыск был произведен так хитро, что я ничего не заметил.

Кстати, должен добавить, что американская контрразведка, опекающая сотрудников «Сво-

бодной Европы», постоянно подслушивает их домашние телефонные разговоры, имеет ключи от каждой квартиры и может наносить «визиты» во время отсутствия хозяев.

— В то время, когда вы, капитан, были на Западе, страна пережила несколько периодов сильного политического напряжения. Как они отразились на вашей психике, психике человека, который находится один среди чужих, враждебных ему политически и идейно людей?

— Это были самые трудные моменты в моей жизни. Ведь каждое событие в Польше там комментируется с особой враждебностью, широко применяется дезинформация. Это действует на человека, когда он должен день и ночь в частных разговорах слушать эти брызжущие ненавистью комментарии к тому, что происходит в стране. Нужно обладать большой психической стойкостью, чтобы не утратить ощущения действительности. Нужно, наконец, иметь сильную веру в то, что люди, руководящие Польшей, хотят ей добра, и только добра. Были такие моменты, что внутренний голос требовал: езжай в страну и посмотри! К сожалению, это было невозможно — ведь я не мог купить билет до Варшавы.

Неудобная радиостанция

Анджей Чехович несколько лет провел на территории ФРГ, причем большую часть времени работал в «Свободной Европе». На очередной беседе мы спросили его, что он думает об отношении западногерманского правительства и общественности этой страны к радиостанции «Свободная Европа».

писочки вроде: «Анджей! Мы рады полученному от тебя материалу. Поздравляем с успехом, желаем счастья и хорошего настроения». Иногда такие записки мне передавали от кого-нибудь из руководства службы. Они были примерно следующего содержания: «Поздравляю вас. Продолжайте так же работать и дальше. Будьте стойки, мы думаем о вас». И хотя эти записки я немедленно сжигал, они радовали меня как весточки с Родины.

— У вас не было ощущения, что за вами наблюдают, что вам до конца не верят в «Свободной Европе»?

— Службой безопасности в «Свободной Европе» руководит американская контрразведка. Это хорошо подготовленные в профессиональном отношении люди. Разумеется, под прицелом у них находятся все сотрудники радиостанции, следовательно, и я не был исключением. Впрочем, я проявлял максимум бдительности. Однажды мне показалось, что у них в отношении меня что-то имеется. Как-то шеф поздоровался со мной иначе, чем обычно. В другой раз кто-то долго шел за мной по пятам по улице. К этим деталям мы, разведчики, очень чувствительны.

— Замечали ли вы когда-нибудь в своем доме следы обыска?

— Обычно я поворачивал ключ в двери два раза. Однажды, возвратившись, обнаружил, что ключ повернут только раз. Я тщательно осмотрел всю квартиру, но не обнаружил никаких следов. Возможно, обыск был произведен так хитро, что я ничего не заметил.

Кстати, должен добавить, что американская контрразведка, опекающая сотрудников «Сво-

бодной Европы», постоянно подслушивает их домашние телефонные разговоры, имеет ключи от каждой квартиры и может наносить «визиты» во время отсутствия хозяев.

— В то время, когда вы, капитан, были на Западе, страна пережила несколько периодов сильного политического напряжения. Как они отразились на вашей психике, психике человека, который находится один среди чужих, враждебных ему политически и идейно людей?

— Это были самые трудные моменты в моей жизни. Ведь каждое событие в Польше там комментируется с особой враждебностью, широко применяется дезинформация. Это действует на человека, когда он должен день и ночь в частных разговорах слушать эти брызжущие ненавистью комментарии к тому, что происходит в стране. Нужно обладать большой психической стойкостью, чтобы не утратить ощущения действительности. Нужно, наконец, иметь сильную веру в то, что люди, руководящие Польшей, хотят ей добра, и только добра. Были такие моменты, что внутренний голос требовал: езжай в страну и посмотри! К сожалению, это было невозможно — ведь я не мог купить билет до Варшавы.

Неугодная радиостанция

Анджей Чехович несколько лет провел на территории ФРГ, причем большую часть времени работал в «Свободной Европе». На очередной беседе мы спросили его, что он думает об отношении западногерманского правительства и общественности этой страны к радиостанции «Свободная Европа».

Капитан Чехович ответил:

— Во время моего последнего журналистского визита в Западный Берлин я имел возможность на некоторых фактах убедиться в политическом реализме правительства Брандта — Шееля, а также в его стремлении объективно оценить недавнюю историю. В такой ситуации деятельность радиостанции «Свободная Европа» на территории ФРГ, естественно, является настоящим бельмом на глазу для многих реалистически мыслящих немцев.

В качестве примера приведу один случай. У меня в ФРГ был хороший приятель, журналист. Путешествуя по делам службы, он объехал всю Европу и был несколько раз в Польше. Это деловой и рассудительный человек, умеет реально оценить происходящие в мире события. Как-то за рюмкой вина я сообщил ему, что работаю на радиостанции «Свободная Европа». Он разволновался и сказал: «Что вы там, в этой «Свободной Европе», болтаете? Это же несусветная чушь! Ведь нельзя взгляды пятидесятих годов переносить на сегодняшний день. Ваша пропаганда никого и ни в чем не может убедить! И вообще, Анджей, как тебе не стыдно! Не можешь, что ли, найти лучшей работы? Ведь через два-три года весь ваш курятник закроют!..»

Немцы считают, что деятельность радиостанции «Свободная Европа» наносит им только вред, поскольку она очень мешает ФРГ наладить торговлю и культурный обмен с социалистическими странами. Кроме того, она лишает Западную Германию возможности оказывать влияние на социалистические страны наиболее выгодным для ФРГ образом.

Есть еще и другая причина. Немцы очень самолюбивы, очень чувствительны в вопросе собственной независимости. А существование радиостанции «Свободная Европа» на территории ФРГ — яркое свидетельство их зависимости от американцев. Немцы фактически не могут ни решать, ни влиять на то, что передает эта радиостанция.

Печать ФРГ пыталась хоть как-то ограничить масштабы деятельности радиостанции «Свободная Европа». Журнал «Штерн», например, поместил материал, из которого следовало, что правительство Брандта выражает удивление и беспокойство: на основании какого права организация типа «Свободной Европы» может существовать на территории Федеративной республики? Это, мол, пережиток «холодной войны», анахронизм.

Баварская бульварная газета «TZ» считает деятельность обеих радиостанций — «Свободной Европы» и «Свободы» — «плохой рекламой для Мюнхена». Бургомистр Мюнхена Ганс Фогель в своем интервью для нашего еженедельника «Перспективы» называет эти пропагандистские центры «продуктом холодной войны». Сам федеральный канцлер Брандт заявил, что деятельность обеих радиостанций означает, что «25 лет спустя после окончания войны чужие государства все еще ведут с территории Федеративной Республики пропаганду против третьих государств».

Журнал «Штерн» даже заверил, что канцлер Брандт и его правительство уже давно решили удалить обе диверсионные радиостанции с западногерманской территории. Для этого, мол, имеются все юридические основания, поскольку

ку формально радиостанции действуют на основе лицензий западногерманской почты, действительных лишь на двенадцать месяцев. Ежегодно до 1 июня лицензии необходимо продлевать. Отказать в лицензии можно за три месяца до истечения срока.

Однако ЦРУ — слишком могущественная организация, за которой стоит вся мощь Вашингтона. Отважится ли Брандт и сумеет ли он в этих условиях выполнить то, о чем писал журнал «Штерн»?

Ответить на этот вопрос трудно, но якобы ЦРУ вопреки различным опровержениям уже подготавливает перевод обеих радиостанций в Голландию.

Далее капитан Чехович привел такой пример:

— Как-то в одной из передач «Свободной Европы» в адрес видного польского руководителя прозвучали нелестные эпитеты. Брандт возмутился (о чем, впрочем, говорил и сам директор Ян Новак) и заявил, что, если такие истории повторяются, правительство ФРГ направит на радиостанцию «Свободная Европа» своего цензора, который будет строго следить, чтобы не нарушались основные принципы политических концепций Западной Германии.

В США безопасней

Мы спросили капитана Чеховича, подготовлен ли персонал радиостанции «Свободная Европа» к специальным действиям в случае войны. Он ответил, что возможность военного конфликта на Европейском континенте учитывается, но использование персонала радиостан-

ции «Свободная Европа», по крайней мере польского отдела, для каких-либо заданий, связанных с проведением военных операций, не предусматривается.

— Согласно неоднократным официальным заявлениям, сделанным в целях укрепления у персонала «Свободной Европы» чувства безопасности,— сказал далее Чехович,— в случае возникновения вооруженного конфликта польский отдел должны эвакуировать в первую очередь. В случае войны радиостанция сразу же прерывает свою деятельность, и специальные самолеты перевозят всех сотрудников в США, где персонал радиостанции будет использован в зависимости от развития событий.

Сотрудникам было заявлено также, что, согласно некоторым официальным стратегическим концепциям, господствующим на Западе, ударная мощь Советского Союза и государств Варшавского пакта так велика, что удержать территорию Западной Европы войска НАТО не смогут.

— Нашу газету «Жолнеж вольности» радиостанция «Свободная Европа» часто цитирует. Коллективу редакции приклеивают самые разные ярлыки. Читая тексты радиоперехвата, мы иногда покатывались от смеха. «Свободная Европа» приписывает нам связи с неизвестными людьми, причисляет нас к каким-то группировкам...

— Коллектив газеты «Жолнеж вольности»,— говорит капитан Чехович,— пользуется особой «популярностью» на радиостанции «Свободная Европа». Журналистов этой газеты считают польскими националистами, шовинистами, антисемитами. Короче говоря, для вас у них

постоянно имеются какие-нибудь эпитеты и определения. Повод для этого они всегда находят. Если кто-нибудь из вас пишет, что всем сердцем предан Польше и работает во имя ее будущего, тому тотчас же сотрудники «Свободной Европы» приклеивают ярлык польского националиста или шовиниста.

Пользуясь случаем, должен сказать, что все фамилии там фиксируются. На каждого из вас, военных журналистов, там заведено досье. Эти сведения оперативно пополняются. И если в «Жолнеж вольности» появляется статья, подписанная автором с указанием имени, фамилии и воинского звания, то в «Свободной Европе» на специальную карточку записывается название статьи, какому вопросу она посвящена, ее краткое содержание и другие различные данные.

— Разве радиостанция «Свободная Европа» интересуется Войском Польским?

— Интересуется, даже очень. И по многим причинам. Во-первых, как организация, связанная с разведкой, она собирает и пересылает в соответствующие разведывательные органы материалы шпионского характера. А во-вторых, информацию о польской армии она использует в пропагандистских целях.

— Не планировались ли в «Свободной Европе» какие-либо специальные пропагандистские акции, которые ставили целью вбить клин между польским народом и армией?

— Помню, во время декабрьских событий в Польше «Свободная Европа» старательно анализировала различные донесения иностранных агентств, официальные и неофициальные информации из Скандинавских стран. В некото-

рых из них утверждалось, что на побережье действовали милиционеры, переодетые в военную форму. Директор Новак задумал использовать этот «факт» в радиопередачах. В конце концов, несмотря на абсурдность этой информации, было признано, что она может скомпрометировать милицию и противопоставить ее армии. Эта «информация» была передана по радио.

— Не поддерживает ли радиостанция «Свободная Европа» контакты с бундесвером, ведь она действует с территории ФРГ? Вам не приходилось, капитан, сталкиваться с фактами такого сотрудничества?

— Общественность ФРГ в целом, об этом писали западногерманские публицисты, не раз выражала недовольство тем, что с ее территории, территории независимого государства, ведет передачи диверсионного характера иностранная радиостанция. Кроме того, средний немец очень экономен и хозяйствен. Многим немцам кажется, что это они содержат радиостанцию «Свободная Европа» (хотя это и не так, и я точно знаю, что средства поступают исключительно из США).

Что сказать о связях «Свободной Европы» с бундесвером? Это дело очевидное. Западногерманская разведка практически имеет доступ ко всем материалам радиостанции. Так, мой непосредственный шеф Заморский, тесно сотрудничая с американцами, работал в постоянном контакте и с разведкой ФРГ. У меня есть доказательства этого. Ну а если уж есть контакт с разведкой ФРГ, то автоматически он имеется и с бундесвером. Подчеркиваю, к материалам радиостанции «Свободная Европа»

имеют доступ офицеры и других разведок НАТО. На радиостанции также часто появляются представители разных «восточных институтов» — организаций, тесно связанных с разведкой.

— Существует ли какая-либо специальная ячейка, которая специализируется в выборе форм пропаганды на армию?

— Не знаю, как было в других отделах, но в польском вопросах армии занимается Пеховский. По радио он выступает под псевдонимом Болеслава Касперского. Он часто переписывает материалы из американских военных журналов и различных теоретических работ, присваивая себе их авторство.

Официально радиостанция «Свободная Европа» не признает, что занимается Войском Польским. Но о чем же тогда может свидетельствовать тот факт, что ее сотрудники собирают данные о польских офицерах, о типах танков, орудий, истребителей и других видов вооружения Войска Польского? Пеховский как-то объяснил это тем, что «Свободная Европа», мол, должна знать все, поскольку она воздействует на все общество, следовательно, и на армию. Фальшь этого тезиса очевидна. Дело в том, что ЦРУ постоянно требует подробнейшую разведывательную информацию о Войске Польском. Однажды «Свободная Европа» пропагандировала тезис, что польская армия с военной точки зрения ценности не имеет. Это делалось в целях деморализации солдат.

— В последние годы случались периоды определенного политического напряжения — в марте и августе 1968 года и в декабре 1970 года. Активизировала ли в эти моменты радио-

станция «Свободная Европа» свою деятельность?

— Да. Многих сотрудников отзывали из отпуска. Нам приказывали находиться на работе больше десяти — двенадцати часов в сутки. Новак, который всегда обходился со всеми очень строго, в эти периоды применял поистине военный стиль работы. Он каждому определял задание, и, если кто-то протестовал, Новак заявлял: «Вы никуда не пойдете. Будете сидеть и делать то, что мы прикажем, и без всяких дискуссий!». В эти напряженные периоды мы непрерывно вели радиоперехват или специальные передачи и вообще в работе применялись чрезвычайные методы.

— Каковы же все эти люди, которые так часто жонглируют словами «Польша, благо страны, благо народа!» и в то же время не видят и самым грубым образом стараются высмеять то, что именно и служит Польше и ее народу?

— Что это за люди? Это сложный вопрос. И добрые, и злые. И мыслящие более или менее реалистично, и ограниченные фанатики. Однако всех их объединяет слепая ненависть ко всему, что происходит в народной Польше.

— Как объяснить, что радиостанция, якобы выступающая в защиту свободы, не скрывает своих больших симпатий к Израилю и его экспансионистской политике на Ближнем Востоке? Информации и комментарии «Свободной Европы» на эту тему пишутся в такой форме, что порой вызывают лишь смех у радиослушателей. Неужели редакторы программ в такой степени утратили чувство всего польского? Забыли, что свобода и независимость страны, за-

щита этой независимости священны для каждого поляка? Ни один гражданин Польши не одобрит нападения одной страны на другую, будь это в любом уголке земного шара!

— Надо сказать, что фамилии, под которыми выступают по радио некоторые сотрудники «Свободной Европы», вымышленные.

Радиостанция «Свободная Европа» в своих передачах поддерживает политику Израиля. Эта политика одобряется и в кулуарах редакций. Во время агрессии Израиля в 1967 году среди работников радиостанции был организован сбор средств для этого государства. Я тоже дал пять марок. Ничего не поделаешь! Нельзя же быть белой вороной...

Вообще эти вопросы на радиостанции «Свободная Европа» — весьма щекотливая тема. Процентов двадцать сотрудников радиостанции — это люди, национальная принадлежность которых точно не определена, по крайней мере официально ими самими. А я могу сказать, что это — сионисты. Отсюда совершенно ясно, почему «Свободная Европа» поддерживает тесные связи с пропагандистско-диверсионными сионистскими центрами. В последние недели моего пребывания на Западе я передавал в разведуправление материалы об антисоветской кампании, проводимой сионистскими организациями в тесном сотрудничестве со «Свободной Европой». Это сотрудничество осуществлялось при посредничестве и с согласия ЦРУ.

В конце января я проинформировал товарищей в Варшаве о планируемой ЦРУ и сионистами провокации, задуманной с целью создания атмосферы подозрительности и недоверия по отношению к некоторым деятелям в

Польше, даже на уровне руководителей партии и правительства. В эту провокацию включились также еврейские фирмы и кооперирующие с ними другие предприятия, пытаясь бойкотировать торговлю с социалистическими странами.

Перед самым выездом я передал в разведуправление материалы о международных сионистских конференциях. В решениях этих конференций подчеркивалось, что широкая пропагандистская кампания против СССР и других социалистических стран должна иметь ярко выраженный антикоммунистический характер. Раздувая антикоммунистическую истерию, сионисты пытались прикрыть истинные цели этой международной акции и замаскировать агрессивные начинания Израиля.

Я уже говорил, что в «Свободной Европе» работают люди с различными взглядами, есть даже монархисты и троцкисты. Их связывает только одно — полная оторванность от родины и ее проблем, полное отсутствие политического чутья в отношении событий, происходящих на родине. Отсюда и ляпсусы в их работе.

Например, каждый турист, побывавший в нашей стране, может подтвердить, что в Польше нет антисемитизма. А между тем миф о нем сохраняет и пропагандирует именно «Свободная Европа».

— За что увольняют с работы в «Свободной Европе»?

— Например, если кто-нибудь поссорится с начальником, должен уйти с работы, ибо, согласно американскому принципу, шеф всегда прав и угодничество перед шефом — это просто обязанность. В таких случаях в отделе

кадров иногда даже говорят: «Вы были правы, мы согласны с вами, но ведь мы не можем подрывать авторитет начальства». Сотрудник получает денежную компенсацию и должен покинуть радиостанцию.

В качестве примера достаточно вспомнить историю с Корызмой. У него была серьезная стычка с директором. Новак, чтобы убедить всех в своей правоте, обвинил подчиненного даже в воровстве. Сделали проверку, но никаких доказательств не было. Корызма потребовал наказать Новака за клевету. Однако Новак пустил в ход свои большие связи, и Корызму выслали из ФРГ во Францию.

Эта история как нельзя лучше характеризует ту атмосферу, которая царит в «Свободной Европе». Шефы этой организации любой ценой стараются избежать скандалов и вообще какого-либо шума вокруг радиостанции. За этим бдительно следит Ганс Фишер (официально — шеф административного департамента, а неофициально — руководитель отдела безопасности и контрразведки). Ему подчиняется вооруженная охрана радиостанции «Свободная Европа». В одной лишь смене их пятнадцать человек. Оружие они носят под полой мундиров. Если кто-либо из сотрудников «Свободной Европы» вступит в конфликт с западногерманской полицией — разобьет автомашину, напьетса и учинит скандал и т. п., — все это улаживает Фишер. Он затушевывает эти дела и прикладывает максимум усилий, чтобы ни один скандал, связанный с сотрудниками «Свободной Европы», не стал достоянием общест-венности ФРГ и не получил бы официальной огласки.

В последнее время Новак не раз говорил нам: «Политическая ситуация в ФРГ такова, что мы должны сидеть тихо. Следовательно, никаких интервью для прессы, а тем более общественных скандалов!»

Здесь стоит вспомнить историю, которую рассказал в польском агентстве «Интерпресс» один американский журналист. Он хотел написать репортаж о радиостанции «Свободная Европа» и сделал для этого несколько фотоснимков здания. Не успел он опомниться, как из здания вылетела охрана радиостанции: американского журналиста основательно помяли и разбили ему фотоаппарат. Этот факт красноречиво свидетельствует о том, что руководство любой ценой пытается окутать тайной истинную деятельность радиостанции «Свободная Европа».

Витольд Шимандерский

НАШ ЧЕЛОВЕК В «СВОБОДНОЙ ЕВРОПЕ»

*(Беседа в редакции еженедельника
«Перспективы»)*

Ш. Чем вы рисковали, если бы раскрыли вашу деятельность?

Ч. Это сложный вопрос. Сначала, наверное, они попробовали бы перетянуть меня на свою сторону и стали бы меня различным образом шантажировать. Если бы я отказался, они пошли бы на убийство, например устроили «несчастный случай». Они бы наверняка это сделали, когда бы пришли к выводу, что я слишком много знаю.

Ш. Но это уже не было бы делом рук «Свободной Европы»?

Ч. Это — забота контрразведки. Видите ли, в «Свободной Европе» трудно разграничить, где кончается пропаганда и начинается разведка. Там все переплелось. Основу «Свободной Европы» составляет разведка. Но идеологическая диверсия и разведка так тесно связаны друг с другом, что между ними невозможно провести точную границу.

Ш. Какое у вас было звание до выезда на задание?

Ч. Подпоручник. Во время пребывания в «Свободной Европе» получил повышение — мне

присвоили звание поручника. А теперь я — капитан.

Ш. Есть ли какие-либо документы о том, что вы в течение всего времени поддерживали связь с Варшавой?

Ч. Да, есть.

Ш. Можно ли сделать фотокопию какого-либо из ваших личных документов, например, удостоверения личности, которое было у вас до выезда?

Ч. Эти документы не предназначены для публикации. Систематически будут публиковаться привезенные мной материалы. Некоторые из них, кажется, получила и ваша редакция?

Ш. Да, у меня есть интересный рапорт о поляках в Ливии. Каким образом эти материалы попали к вам в руки?

Ч. Я сталкивался с этими вещами по работе. Разумеется, я пока не могу рассказать о технике получения таких материалов нашей разведкой.

Ш. Тогда еще один вопрос. Это — подлинники документов или их фотокопии?

Ч. Фотокопии.

Ш. «Свободная Европа» утверждает, что департамент анализа и исследований, где вы работали, не ведет секретной работы. Так ли это?

Ч. Сейчас я вам все объясню. Департамент делится на два отдела. В один из них поступают материалы из открытых официальных источников, прежде всего из польской прессы. К этим материалам, разумеется, имеют доступ разные люди. В другой отдел поступают секретные материалы. Они хранятся в стальных сейфах. Это — донесения, разложенные по те-

матическим папкам, которые обозначены номерами от 1 до 4400. Тематика донесений охватывает все области жизни. Например, информация об армии находится в папках № 300—325. Различают три степени секретности донесений. Совершенно секретные материалы рассылаются по строго определенному списку. С ними знакомят только директора польского отдела Новака и американскую разведку. Донесения второй и третьей степени секретности размножаются в трех — пяти экземплярах. Редакторы «Свободной Европы» могут пользоваться ими на месте, то есть в помещении департамента анализа и исследований. Наименее важные донесения размножают в полутора десятках экземпляров и разносят по служебным кабинетам. В стальных шкафах хранится также служебная переписка начальника польского отдела Казимежа Заморского с американскими шефами.

Департаментом анализа и исследований в масштабе всей радиостанции руководит полковник американской разведки Джеймс Браун. Ему подчиняются национальные отделы департамента анализа и исследований. Шефы департаментов радиостанции «Свободная Европа» — обязательно офицеры американской разведки, да и шефы национальных отделов, как правило, то же. К секретным материалам в стальных шкафах имеют доступ лишь высшие должностные лица радиостанции «Свободная Европа», а также люди, имеющие специальное разрешение.

III. Вы упомянули так называемых «местных корреспондентов», поставляющих информацию «Свободной Европе». Носит ли их ин-

формация разведывательный характер? Материалы, с которыми вы нас ознакомили, не производят впечатления шпионских донесений. Подобным образом могли бы выглядеть журналистские заметки.

Ч. Некоторые из их донесений имеют ярко выраженный разведывательный характер. Например, можно ли иначе расценить информацию о том, когда Польша начнет выпускать танки Т-55, в каких количествах, кто занимается этим и т. п.? Это шпионские сведения. Мы располагаем рядом документов, которые скоро будут опубликованы. Они совершенно недвусмысленно показывают шпионский характер деятельности «Свободной Европы».

Ш. Все они касаются армии?

Ч. Не только армии. Ведь разведка занимается и сбором сведений на определенную тему из официальных источников. Эти сведения анализируются и на их основе готовится разведывательная информация.

Ш. При тотальной разведке, то есть разведке, интересующейся всем, шпионский характер информации определяется не тем, как она собирается, а тем, кому она передается?

Ч. В «Свободной Европе» она передается американской разведке. Впрочем, не только американской. Я уже говорил, что к материалам радиостанции имеют доступ западногерманская и английская разведки. Они обмениваются информацией.

Ш. В одной из радиопередач «Свободная Европа» утверждала, что вы исчезли внезапно, оставив в квартире личные вещи, переписку с семьей и т. д. На основе этого они сделали вывод, что вас похитили.

Ч. Они так говорят, потому что оказались в глупом положении. Офицер польской разведки сидел у них под носом несколько лет и «вытягивал» секретные данные, которые они берегли как зеницу ока. Необходимые нам материалы я забрал, а мусором не занимался.

Ш. Костюмы вы тоже там оставили? Я вижу, на вас костюм из варшавского магазина «Адам».

Ч. Да, я оставил все мелочи. Это нормально, обычно так и делается. Получил соответствующий сигнал — и до свидания. Неужели я должен был официально попрощаться с Новаком?

Ш. А каким образом вы вернулись в Польшу?

Ч. Это уже профессиональная тайна. В данный момент я не могу этого сказать. Во всяком случае, организовано все было очень четко.

Ш. Насколько я понял из передач «Свободной Европы», в вашей квартире в Мюнхене не раз производили обыск?

Ч. Конечно, ведь у начальства был дубликат ключа. Каждый работник радиостанции имеет служебную квартиру, а администрация, или, говоря прямо, служба безопасности радиостанции «Свободная Европа», имеет дубликат ключа. Время от времени в квартирах производится «контроль». Кроме того, подслушиваются телефонные разговоры. Это считается нормальным явлением.

Ш. Скажите, существует ли у нас в стране сеть информаторов «Свободной Европы»?

Ч. Нет. Информацию присылают отдельные лица. Они принадлежат к самым различным общественным слоям.

Ш. Сохраняются ли в «Свободной Европе» письма этих информаторов?

Ч. Да. Теперь они имеются и у нас.

Ш. Благодаря вам?

Ч. Да. В «Свободной Европе» есть специальная картотека, но уже не в национальных отделах, а в центре, у американцев. Шефом этой картотеки является некто Науф. Я имел задание добыть эти данные и раскрыть информаторов, поскольку не на всех учетных карточках были проставлены фамилии.

Ш. Как известно, разведка действует всегда законспирированно. Теперь, когда вы раскрыли себя, сможете ли вы продолжать работу в разведке?

Ч. При современных возможностях это вполне допустимо. Разумеется, я могу заниматься целым рядом других дел. Однако, если возникнет необходимость, я буду делать то, что мне следует делать.

Ш. После вашего возвращения на родину журналисты из «Свободной Европы» стали утверждать, что вы никогда не были офицером польской разведки, что на радиостанции «Свободная Европа» вы выполняли вспомогательные, второстепенные функции и т. д. Одним словом, они стараются посеять сомнение в достоверности вашей информации, а также дискредитировать вас в глазах польской общест-венности.

Ч. Да, это понятно. Однако некоторые из их утверждений просто смехотворны. Например, они говорят о порнографических журналах, найденных в моей квартире. Меня порнография не интересует, я нормальный человек. А эти журналы я заказывал для некоторых

пожилых, женатых сотрудников «Свободной Европы», которые просили меня об этом. Ну, а что касается более серьезных обвинений, то им не следует быть такими самоуверенными. У японцев есть старинный, умный принцип: противника выгоднее представить в лучшем свете, чем он того заслуживает; тогда, если проиграешь ему — меньше стыда, а если выиграешь — больше почета.

Ш. В период работы в «Свободной Европе» вы, кажется, поддерживали оживленную переписку с родителями и даже посылали им посылки?

Ч. Конечно. А почему бы и нет?

Ш. Где живут ваши родители?

Ч. Под Варшавой. Их адрес я не хочу называть, чтобы не причинять им беспокойства.

Лонгин Заремба

«СВОБОДНАЯ ЕВРОПА» И МОЛОДЕЖЬ

(Беседа в редакции газеты «Штандар
млодых»)

3. Пожалуй, нет необходимости представлять нашим читателям капитана Анджея Чеховича. Буквально в течение нескольких дней он стал таким же популярным, как капитан Клосс¹. Удачны ли такого рода сравнения, которые делают некоторые зарубежные газеты?

Ч. Не совсем. Клосс — вымышленный герой, хотя в основу фильма положены действительные факты. Он работал в иной ситуации, иными методами. Клосс действовал в военных условиях, и, следовательно, методы его были военными. Сегодня центр тяжести борьбы перенесен на фронт идеологический, а следовательно, и методы работы разведки стали другими. Короче говоря, разведка — это кропотливая и ответственная работа, цель которой — обеспечить спокойствие нашей страны, ее безопасность. Добытые во вражеском стане информация и документы очень часто помогают принять важные государственные решения. Разведка — необыкновенно грозное оружие не

---

¹ Герой польского приключенческого телевизионного фильма «Ставка больше, чем жизнь». — *Прим. авт.*

только во время войны, но и в условиях мира. Ведь «психологическая война» — это главный элемент глобальной стратегии империализма.

3. Скажите, какими чертами характера должен в первую очередь обладать современный разведчик?

Ч. Прежде всего, он должен быть патриотом, то есть глубоко любить свою страну, свой народ. Это позволяет выдержать самые тяжелые испытания. Разведчику необходимы также сильная воля, решительность, железная дисциплина, самообладание, ну и, конечно, определенное актерское умение. Кроме всего этого нужны знания. Различный характер выполняемых заданий требует от разведчика как обширных общих познаний, так и изучения проблематики учреждения, организации, а также страны, где он должен работать. Иногда одна фраза, даже одно слово имеют колоссальное значение.

Разумеется, есть в профессии разведчика и другая сторона. Постоянное напряжение, необходимость держать под контролем себя и окружающих, постоянное ощущение опасности могут серьезно отразиться на психике. Поэтому после выполнения задания разведчику без необходимости не продлевается время пребывания за границей.

3. Как нам известно, радиостанция «Свободная Европа» пыталась представить себя другом польской молодежи, ее бескорыстным советчиком. Что вы об этом скажете?

Ч. Все диверсионные центры, в том числе и «Свободная Европа», возлагают большие надежды на молодежь, пытаются воздействовать на нее. В «Свободной Европе» даже предпо-

лагалось создать специальную молодежную редакцию. Инициатором ее создания был сам Новак. Однако такую редакцию создать не удалось, прежде всего из-за отсутствия соответствующих кадров. По идее в такой редакции должны были работать молодые люди, выходящие из трудовых семей, покинувшие Польшу и имеющие соответствующее образование. Однако завербовать таких не удалось.

3. Из чего исходит радиостанция «Свободная Европа», полагая, что на молодежь легче воздействовать, чем на людей старшего поколения?

Ч. В Мюнхене считают, что молодежь импульсивна, обладает избытком энергии, но не имеет жизненного опыта. Молодые стремятся любой ценой обратить на себя внимание, легко увлекаются разными «западными новинками», некритично принимают все, что им умело подсовывают. Далее, если воздействовать на различные группы молодежи, то можно добиться раскола в ее рядах. Каждой из таких групп можно внушать, что идеология — пережиток и нужно считаться лишь с собственными интересами, жить без оглядки на других и даже за счет других.

В ноябре 1969 года состоялась конференция с участием представителей разведок США, ФРГ, Израиля, а также западногерманского института исследования Востока (этот центр по изучению Востока представлял Граль, поляк по происхождению) и, разумеется, «Свободной Европы». На конференции обсуждались методы воздействия на молодежь. Там были определены основные направления этой деятельности. Прежде всего, было решено под-

держивать ревизионистские направления, проповедующие, что марксизм-ленинизм — устаревшее понятие для современного мира высокой технической цивилизации, тормоз в развитии этой цивилизации. Предлагалось под лозунгом борьбы поколений (старшие, мол, сдерживают инициативу молодежи, закрывают ей путь в обществе) возбуждать в среде молодежи антигосударственные настроения, призывать к конспиративной деятельности. Эти господа, делающие столь циничные заявления, прекрасно отдают себе отчет в нереальности подобных советов. В действительности же они стремятся не столько организовать подполье, сколько создать соответствующую атмосферу в Польше. О моральном ущербе, который должны были понести эти молодые люди, давшие себя обмануть, эти господа не заботятся. Дополнением к этой программе объявлялась проповедь потребительского отношения к жизни путем умелого подбора «западных образцов».

«Свободная Европа» не ограничивается только диверсионной пропагандой в эфире. Она ведет также и практическую, весьма коварную деятельность. Своего рода спецом в этой области является Лисиньский, корреспондент радиостанции «Свободная Европа» в Стокгольме. Он систематически рассылает приглашения некоторым молодым людям в Польше. В Стокгольме он не склоняет их прямо к измене родине. Он лишь восхищается талантом и знаниями гостей, распространяется о неограниченных возможностях карьеры, которую они могут сделать в «свободном мире». Однако цель подобных акций весьма прозрачна. «Свободной Европе» грозит (из-за отсутствия притока мо-

лодых кадров) смерть от старости. Отсюда яростные попытки любой ценой завербовать молодежь.

Анализом молодежной печати («Штандар млодых», «Валка млодых», «Зажеве» и даже таких сугубо профессиональных изданий, как, например, «Политехник») занимается некто Юлицкий, он же Разпендовский. Его задача — выискивать все критические замечания в адрес молодежных организаций и учреждений. Подборка этих замечаний рассылается в национальные отделы радиостанции «Свободная Европа», а также в соответствующие отделы ЦРУ. Работу молодежных организаций «оценивают» также с позиции выискивания различий, расхождений в программах их деятельности и т. п. Эти «оценки» молодежных организаций дополняются донесениями корреспондентов «Свободной Европы» о беседах с поляками, оказавшимися за границей в служебной командировке или в качестве туристов. Вот, например, один из образчиков такого донесения корреспондента «Свободной Европы»:

«Еще во время учебы на собеседника неоднократно оказывали нажим, чтобы он записался в Союз социалистической молодежи. Он выкручивался как мог. Когда же его сильно прижали, он записался, но в Союз крестьянской молодежи под тем предлогом, что происходит из деревни, из крестьянской семьи. В дальнейшем он оказался в безвыходном положении и поэтому после окончания учебы записался в Объединенную крестьянскую партию (ОКП). Собеседник заявляет, что, подобно ему, многие студенты, выходцы из деревни, всячески избегали вступления в Союз социалистической

молодежи и записывались в Союз крестьянской молодежи. Коммунисты на это смотрели косо, но вынуждены были по необходимости мириться с этим».

Приведенное выше донесение как нельзя лучше свидетельствует о том, как далеки от польской действительности господа из «Свободной Европы». А ведь именно на основе такого рода донесений и информации стряпаются радиопередачи для польской молодежи!

Однако, вопреки мнению «Свободной Европы», что польская молодежь неопытная и безыдейная, многочисленным «духоловам» в контактах с этой молодежью приходится тяжело. Молодые поляки, узнав, с кем имеют дело, попросту гонят от себя этих господ. И «духоловы» все чаще вынуждены прибегать к услугам подставных лиц или старательно скрывать свою принадлежность к «Свободной Европе». Вот фрагменты донесения венского корреспондента «Свободной Европы» Поморского:

«14 августа 1967 года на венский восточный вокзал прибыла группа польских студентов, которые направлялись по международному обмену в поездку по Италии. Мне удалось установить с этой группой контакт и провести с ней почти четырехчасовую беседу. Дискуссии мы вели с глазу на глаз, маленькими группами. Время от времени собеседники менялись. Затем я повел их по городу, наблюдал, как они себя ведут и чем интересуются. Никто из собеседников не спросил, кто я и чем занимаюсь. Ну, а сам я не спешил представиться...

Они удивительно сдержанны. С ними трудно вступать в контакт. Однако постепенно в них

разгорается интерес, и они начинают задавать первые вопросы: «Сколько стоит это? А сколько то?» Они хотят выслать домой почтовые открытки. Они нравятся им, но на открытки цены очень высоки. Начинается критика всей капиталистической системы. Критикуют даже сам город. Говорят, что он выглядит мертвым и старомодным. Отрицательные высказывания преобладают. Еще не успели отойти от вокзала, а уже такая лавина злопыхательства! Не видят собственных недостатков!..

...С ними нельзя спорить. Они не выносят критики. Много говорят о родине, о патриотизме. Все польское для них — самое лучшее. Каждого, кто попробует плохо отозваться о нынешних порядках в их стране, они считают предателем...» И правильно польские студенты называли пана Поморского и ему подобных предателями!

Однако иногда события разворачиваются иначе. Работу корреспондентов «Свободной Европы» облегчает в некоторых случаях отсутствие у людей чувства ответственности за собственные слова и действия, излишняя болтливость. Всем этим и пользуются платные агенты «Свободной Европы».

Кстати, стоит расшифровать некоторые условные обозначения, которые ставятся в верхнем углу на первых страничках донесений. Например: W/P/14079. W — означает город Вену, P — фамилию Поморского, 14079 — это номер карточки собеседника корреспондента «Свободной Европы». После каждой такой беседы корреспондент посылает в Мюнхен и ЦРУ не только донесение, но также и данные о том лице, с которым беседовал. Агенты ЦРУ каждый

контакт с польским гражданином надеются использовать в благоприятных условиях в качестве предлога для шантажа. И некоторые люди действительно поддаются такому шантажу. По мнению ЦРУ, такого рода люди могут особенно понадобиться в период войны. Разведывательная служба радиостанции «Свободная Европа» и не скрывает этого.

Люди, работающие на радиостанции «Свободная Европа», лишены каких-либо моральных принципов. Большинство из них способны на любую подлость, если за нее хорошо заплатят. Гангстерские отношения, царящие в аппарате радиостанции «Свободная Европа», переносятся и в область частной жизни. В этом большая заслуга бывшего кавалериста Новака, спекулянта и мошенника. Помимо клеветы на народную Польшу его любимым занятием является скупка антикварных вещей, драгоценностей и почтовых марок. (Американским шефам пана Новака следовало бы заинтересоваться тем, как он расходует казенные деньги. Результаты проверки могут оказаться потрясающими, даже с учетом тех отношений, которые господствуют в «Свободной Европе».)

В минуты, свободные от торговли, пан Новак страстно любит расправляться с людьми, которые его чем-то обидели. Так, например, актера Корызму, который «увел» у него жену, Новак довел до сумасшествия. Это эффективный во всех отношениях метод. В этом убедилась также и Алиция Лисецкая, которая после неполных двух лет сотрудничества с Новаком тоже оказалась в больнице для умалишенных в Хааре. Ныне она находится в Великобритании, но ее карьера уже кончена.

Пан Новак обожает власть, и не только в «Свободной Европе». Ему грезится власть над всей политической эмиграцией в Европе. И хотя он скуп, но во имя этой цели денег не жалеет, конечно, не из собственного кармана. Например, Ступулковский по самые уши в долгу у Новака. Новак может делать с ним, что хочет. Через него он пытается терроризировать политическую эмиграцию, таких же недобитых банкротов, как и в «Свободной Европе». Ничего не скажешь — компания что надо! И эти люди еще осмеливаются обращаться к польскому народу и указывать ему путь. Путь к предательству...

Ядвига Радоминьская

БОЛЬШАЯ ИГРА АНДЖЕЯ ЧЕХОВИЧА

(Беседа в редакции журнала «Кулисы»)

Р. Как получилось, что после окончания исторического факультета вы решили работать в разведке?

Ч. В детстве я читал массу книг о разведчиках, о разных приключениях, сопряженных с риском. И уже тогда видел себя в роли разведчика. Меня интересовали мотивы поведения этих людей. Под влиянием прочитанного я начал воспитывать в себе смелость, решительность, волю. Кажется, мне удалось кое-чего добиться, так как товарищи по школе, например, во время футбольных матчей всегда поручали мне играть в защите, зная, что я приложу все силы, чтобы не допустить противника на штрафную площадку. Я считаю, что на выбор моей профессии немалое влияние оказало также и патриотическое воспитание в семье. Я зачитывался исторической литературой, особенно о январском восстании 1863 года, в котором принимал участие мой дед. Я восхищался также поколением, которому пришлось бороться с гитлеровскими оккупантами. Окончив исторический факультет Варшавского университета, я решил осуществить свою давнюю

мечту. Шел 1962 год. Мне было тогда 25 лет, и я решил посвятить себя разведывательной работе. Успех на вступительных экзаменах окрылил меня. Я прошел общую подготовку, а затем получил задание, которое уже теперь всем известно. После этого я прошел специальную подготовку, уже непосредственно связанную с порученным мне заданием...

Р. Какие чувства вы испытывали в течение этих лет, когда каждый день, каждый момент вам приходилось играть две роли?

Ч. За все годы работы на радиостанции «Свободная Европа», пожалуй, самым трудным был начальный период. Тогда все — мой мюнхенский непосредственный начальник, сотрудники и те, кто имел отношение к разведке, следили буквально за каждым моим движением, каждым шагом, прислушивались к каждому моему слову. Я вынужден был остерегаться всех и вся, особенно тех, кто работал в разведке. Я никогда не забуду того периода и, признаюсь, неохотно вспоминаю об этом. Переживания тех дней трудно выразить словами. Это — постоянное напряжение, постоянный самоконтроль за каждым движением, каждым словом, каждой встречей. Я должен был вести себя так, как ожидалось от человека, только что бежавшего из Польши. Мне приходилось особенно учитывать, что это был период, когда радиостанция «Свободная Европа» меняла профиль своих программ.

Потом наступил второй этап. К этому времени я уже настолько вошел в свою роль, что мог приступить к действию. Передо мной стояли две задачи. Первая — это тщательно изучить персонал радиостанции и выявить тех,

кто в рамках сотрудничества с контрразведкой имел задание наблюдать за другими работниками нашего отдела. Второй моей задачей было установить, где хранятся наиболее секретные материалы, интересующие нашу разведку. Этот период тоже нельзя назвать легким: ведь в любой момент я мог провалиться.

Приведу лишь один из многих случаев. Шеф польского отдела департамента анализа и исследований Казимеж Заморский тщательно наблюдал, как, например, я реагирую на разложенные на его письменном столе документы с грифом «Совершенно секретно». Он часто оставлял их на своем столе и расхаживал по комнате или даже выходил во время беседы, а потом внезапно возвращался и наблюдал за моей реакцией. Разумеется, во время таких его прогулок, уходов и приходов я спокойно сидел на стуле, не бросая даже взгляда на секретные документы: ведь я знал, что эти бумаги рано или поздно окажутся в моих руках. Тем не менее мое спокойствие было только видимым. Как-никак, а в чужой, враждебной среде я чувствовал себя, мягко говоря, не лучшим образом. Однако так было только поначалу. Потом я установил приятельские отношения с некоторыми людьми и даже с самим Заморским. Наверное, у меня еще будет случай подробнее рассказать об этом...

Р. А вы испытывали чувство страха?

Ч. Конечно. Это вполне естественно. Я знал, что меня может ожидать. Нередко во время выполнения некоторых заданий кровь ударяла мне в голову, в висках стучало. Были и такие ситуации, когда я задумывал что-нибудь, настраивал себя на это и, разумеется, испытывал

огромное напряжение, а между тем не мог в данный момент выполнить намеченное. И, пожалуй, вот такие ситуации стоили мне дороже всего.

Р. Скажите, когда вы чувствовали себя в наибольшей опасности?

Ч. Таких моментов было много. Однажды у меня создалось впечатление, будто шеф и некоторые его сотрудники начали меня подозревать. В столь необычной ситуации человек становится особенно чувствительным к каждому жесту, каждому взгляду... Одним словом, мне показалось, что они что-то знают. И я начал играть. Мне хотелось создать впечатление человека рассеянного, интересующегося всем, чем угодно, только не служебными делами. Я допускал возможность провала, и мне казалось, что они уже что-то знают, что, возможно, у них где-нибудь вмонтирована кинокамера, что, может, меня кто-то заметил при выполнении очередного задания, или вдруг какой-нибудь документ или листок я положил не совсем точно на прежнее место. Я часами анализировал свои поступки, задавал себе десятки вопросов, и хотя приходил к выводу, что не совершил никакой ошибки, сомнения, однако, оставались. Через некоторое время все вошло в норму и мною перестали интересоваться, но, пожалуй, именно этот период я отношу к числу наиболее драматических.

А вот еще одна история. Однажды по чистой случайности я оказался закрытым на ночь в служебном помещении. Выбраться оттуда я никак не мог и вынужден был ждать до утра, хотя сознавал, что мне придется долго объясняться.

Было просто маловероятно, что сочтут это за случайность. В моем воображении уже вставали самые худшие подозрения, которые обрушатся на меня. К счастью, все обошлось. Как видите, неленый случай, который трудно предусмотреть, иной раз может свести на нет самую точную и продуманную стратегию!..

Р. Что вы можете сказать о литературных произведениях и фильмах о разведчиках?

Ч. Авторы этих произведений показывают прежде всего наиболее интересные, сенсационные случаи. А труд разведчика — это в первую очередь кропотливая и изнурительная работа, требующая хорошей спортивной формы.

Р. В последнее время в литературе о разведчиках модно описывать техническое оснащение агента: фотоаппарат, смонтированный в зажигалке, кинокамеру в табачной трубке, стреляющую авторучку, магнитофон в часах и т. д. Что вы на это скажете?

Ч. Ну что ж. Это не плод литературного воображения. Техника XX века охватила все области нашей жизни, а следовательно, и ту, о которой мы говорим. Правда, стреляющей авторучки у меня не было, и, признаюсь, я не слышал о ней. Однако минифотоаппарат, миниатюрный магнитофон или же современные средства связи, необходимые при выполнении такого типа заданий, разумеется, мне знакомы.

Р. Вас, наверное, подвергали испытаниям с помощью так называемого детектора лжи? Как вы перенесли это?

Ч. Я был подготовлен ко всякого рода испытаниям. Я прошел их еще в Польше, в период моей подготовки. Прошел я и целый ряд других испытаний, которые также требовали

от меня большой выносливости. Впрочем, я уже говорил об этом, а более подробно напишу об этом в своих мемуарах.

Р. Во время работы на радиостанции «Свободная Европа» вы поддерживали связь с Центром в Польше? Такая связь, видимо, особенно опасна?

Ч. Да, поддерживал. Конечно, это очень опасно, но тем не менее такая связь была необходима. Ведь с помощью этой связи я передавал в наш Центр многочисленные материалы в течение всего периода работы на радиостанции «Свободная Европа».

Р. Как вы переносили одиночество, отсутствие контакта с близкими?

Ч. Было тяжело. Я тосковал по родине, по семье. Конечно, я завел знакомых, но в отношениях с ними я постоянно должен был сохранять большую осторожность и бдительность. Ведь среди них мог оказаться кто-нибудь из агентов иностранной контрразведки. Нелегко было приспособиться к психологии и специфическому образу жизни работников радиостанции «Свободная Европа». Можете себе представить, с какой неописуемой радостью я возвращался на родину!

Р. Что, по-вашему, значит «быть отважным»?

Ч. Отвага не в том, что человек не испытывает страха, ибо это чувство свойственно всем людям и нет таких средств, которые бы ликвидировали обычный человеческий страх. По-моему, отвага — это когда человек, несмотря на страх, выполняет задуманное или порученное ему дело. Кроме того, к страху можно привыкнуть, особенно в такой ситуации, когда

человек сознательно взял на себя какие-то обязательства и готов их выполнить для родины.

Р. Какие черты характера вы считаете необходимыми для разведчика?

Ч. Помимо таких качеств, как сильная воля, смелость, готовность к самопожертвованию, психическая и физическая стойкость, быстрая реакция, упорство, выдержка и актерские способности, разведчику необходима бескорыстная, глубокая любовь к родине.

Р. Когда вы решили посвятить себя разведке, вы имели о ней какое-нибудь представление?

Ч. Я уже говорил, что в юности читал массу книг о разведчиках. Однако это было чисто книжное представление. В период предварительной подготовки, а уж затем во время пребывания в Мюнхене я хорошо понял, что такое разведка. Колоссальное впечатление произвел на меня лагерь для беженцев. После всего того, что мне пришлось там испытать, я перестал бояться даже тюрьмы.

Р. В фильмах и книгах разведчики обычно отлично владеют огнестрельным оружием. Какие у вас были оценки по стрельбе?

Ч. Могу похвастаться, что и в гимназии на уроках по военному делу, и в университете на военных занятиях у меня были очень хорошие оценки. Я стрелял в самую «десятку».

Р. Когда Центр принял решение о вашем возвращении на родину, не боялись ли вы, что какой-нибудь пустяк может в последний момент привести к провалу?

Ч. Прежде всего я испытал огромную радость, узнав, что возвращаюсь на родину. И хотя это звучит парадоксально, но я опасался,

что именно это чувство переполнявшей меня радости может выдать меня. Я решил оставить свой «мюнхенский дом» в таком состоянии, чтобы не возбудить ни малейших подозрений.

Р. Если бы вам предложили вновь выполнить подобную миссию, пригодился бы приобретенный вами опыт?

Ч. Конечно. Я выполнил бы задание еще лучше. Взялся бы я за выполнение нового задания? Да. Я ведь офицер разведки.

Януш Кольчиньский

ПЕРЕД ТЕЛЕВИЗИОННЫМИ КАМЕРАМИ

К. Сегодня у нас в студии находится капитан Анджей Чехович. Мы сердечно приветствуем вас, Анджей, и поздравляем с большим успехом.

Ч. Большое спасибо.

К. Сначала скажите несколько слов о себе. Как вы пришли в разведку? Как готовились к выполнению ответственной и очень трудной задачи?

Ч. В семье меня воспитывали в патриотическом духе. В 1962 году я окончил исторический факультет Варшавского университета. Меня всегда интересовала история и особенно традиции борьбы за независимость. Я собирал различные материалы на эту тему. С детства увлекался книгами о разведчиках. После окончания Варшавского университета решил посвятить себя разведке. Готовили меня очень тщательно. Я прошел целый ряд специальных испытаний, прежде чем мне дали это задание. Мой шеф и другие мои начальники не скрывали, что задание это трудное и очень сложное.

К. Какие чувства вы испытывали, получив такое задание?

Ч. Мое состояние тогда трудно передать. Я был готов ко всему. С одной стороны, ко-

нечно, меня мучили сомнения, сумею ли я справиться с заданием, а с другой — я гордился, что именно мне поручили эту миссию, что мне оказали большое доверие.

К. Какие задачи были поставлены перед вами?

Ч. Я должен был изучить центры политической и идеологической диверсий на Западе, и прежде всего деятельность радиостанции «Свободная Европа», где сходятся все нити остальных центров диверсии, таких, как «Культура»¹, различные «институты советологии», сионистские организации, «конгресс свободы культуры» и т. д.

К. Да, это сложное задание. Ведь «Свободная Европа» — это главный центр идеологической диверсии. Впрочем, все центры идеологической диверсии окружены особой заботой со стороны разведок и контрразведок наших противников. Не так ли?

Ч. Да, это так. Но наша разведка уже имела целый ряд данных, с которыми я подробно ознакомился. Я заранее знал, какие люди работают в «Свободной Европе», их образ мыслей, отношение к беженцам. А ведь я должен был изображать из себя именно беженца. Я заранее получил точные характеристики отдельных лиц и всей организации в целом.

К. Значит, в процессе подготовки вас уже в определенной степени информировали и вооружили для выполнения этой задачи?

Ч. Да.

К. С чего вы начали выполнение поставленной перед вами задачи?

---

¹ Журнал, издаваемый в Париже реакционными кругами польской эмиграции. — *Прим. авт.*

Ч. Сначала я официально выехал в Англию. Каждый поляк может выехать на Запад по приглашению родных и знакомых. Но Англия не была моей целью, это, конечно, был лишь предлог. Мне нужно было попасть в Федеративную Республику Германии, на территории которой находится радиостанция «Свободная Европа».

Я остановился в Кельне и попросил политического убежища. Из полицейского участка, куда я обратился, меня в автомашине отвезли, кажется, в главную комендатуру города. Там меня поместили в камеру, а на другой день ко мне явились два детектива с поднятыми воротниками, как их порой и показывают в фильмах, и отвезли в лагерь для беженцев в Цирндорфе. Это было уже вечером. Портье, который там дежурил, выдал мне какое-то одеяло и матрац. Затем меня отвели в комнату, где находилось человек тридцать — сорок. Это была комната, так сказать, временного пребывания, где обычно беженцы проводят два-три дня. Мне здесь довелось прожить несколько дней с людьми, которых больше никогда в жизни не хотел бы встретить.

К. Не сладко выглядит эта свобода?..

Ч. Вы правы. На эту тему мне есть что рассказать, но это как-нибудь в другой раз... На следующий день начались допросы. Самым важным был первый допрос. Его проводил офицер западногерманской разведки. Этот господин вытянул из меня все жилы. Допрос продолжался в течение пяти дней. Я вынужден был, по крайней мере, шесть или семь раз рассказывать свою биографию. Немец спрашивал меня о различных моментах из этой био-

графии, при этом то в одном плане, то в другом.

К. Он хотел вас поймать?

Ч. Да, но это ему не удалось. Офицер западногерманской разведки в своем заключении, видимо, написал, что я представляю интерес как по своему образованию, так и по связям в Польше и мог бы сообщить нечто важное для американской разведки, с которой сотрудничает западногерманская разведка. Мое дело передали в Нюрнберг. Выглядело это так: ежедневно за мной приезжал автомобиль из Нюрнберга, меня привозили к довольно угрюмому зданию, и начинались допросы.

Вел допрос офицер американской разведки, но были там также английский офицер и представители западногерманской разведки. Спрашивали меня по очереди, в зависимости от специальности. Один интересовался политическими вопросами, второй — общественными, третий — экономическими и т. д. После завершения всех требуемых формальностей меня сфотографировали, взяли отпечатки пальцев и, наконец, оставили в покое. Теперь мое дело передали в так называемый «суд», который решал вопрос о предоставлении права политического убежища. Вскоре это право мне было предоставлено, и меня отправили в пересыльный лагерь в Мюнстер, на север Западной Германии. Там я пробыл три месяца, а потом, получив документы, поступил на службу в охранную роту Британской рейнской армии. Однако еще в ходе допросов я установил контакт с представителем «Свободной Европы».

К. Разве представители радиостанции участвуют в допросах?

Ч. Конечно. Представитель радиостанции выдает себя за корреспондента, на самом же деле это агент американской разведки, получающий информацию о беженцах от руководства лагеря в Цирндорфе. Пока я находился в лагере, кто-то из американских офицеров посоветовал представителям «Свободной Европы» обратить на меня внимание, считая, что я могу дать полезную информацию. Первый контакт со мной установил некто Которович. Между прочим, он умер еще до того, как меня приняли в «Свободную Европу». Которовичу в большой мере я обязан тем, что установил непосредственный контакт с Новаком.

К. Расскажите, как все это произошло. Вас Которович представил Новаку?

Ч. Да. Он дал обо мне очень хороший отзыв. Я написал несколько заметок, он остался ими доволен и стал доверять мне.

К. Как вас принял Новак?

Ч. Когда я еще жил в лагере, меня вызывали на радиостанцию «Свободная Европа». Там меня подвергли целому ряду испытаний. Потом я написал несколько материалов для радиопередач, разумеется под псевдонимом. Меня представили Новаку. Он сказал мне: «В общем-то вы подходите нам, но в данный момент у нас нет свободных мест, поскольку месяц назад мы приняли нового человека. Но вы не теряйте надежды, потерпите. Поступите пока куда-нибудь на работу и подождите. Мы будем иметь вас в виду».

К. Наверное, это был предлог, чтобы лучше проверить вас?

Ч. Да, конечно. Им нужно было выиграть время. Они сразу никого и никогда не прини-

мают и обычно весьма тщательно выясняют целый ряд вопросов. Этим занимается американская разведка вместе с западногерманской. Я ждал полтора года. Выйдя из лагеря, я поработал на нескольких фабриках, был мойщиком посуды в американском госпитале. В конце концов мне все это надоело и я поступил в охранную роту Британской рейнской армии.

Командование этой группы войск находится в городе Хампе. Там я получил обмундирование, и в течение нескольких дней меня обучали, как отдавать честь, как маршировать и пользоваться оружием. Затем меня направили в маленькое местечко. Это была английская база, где находились автомашины, боеприпасы, различные материалы и т. п. Разумеется, я работал за гроши, и условия были ужасные, но я должен был терпеливо ждать. Поддерживая связь с Новаком и другими сотрудниками «Свободной Европы», я готовил им различные материалы для радиопередач. Наконец, в начале 1965 года мне сообщили, что меня могут принять. Разумеется, я написал о своем согласии и в апреле 1965 года приступил к работе. Мне очень повезло. Я попал в департамент анализа и исследований вместо одного из уволенных сотрудников, который не подходил господину Заморскому.

К. Расскажите в нескольких словах о задачах и структуре этого департамента.

Ч. Главная задача этого департамента — сбор различной информации о социалистических странах, начиная от военной информации и кончая информацией о людях, занимающих ответственные посты в этих странах.

Шефом департамента является кадровый

офицер американской разведки Джеймс Браун. В кулуарах его называют Джими. Он прибыл из США год назад.

К. А кто руководит польским отделом?

Ч. Брауну подчиняются все национальные отделы анализа и исследований, в том числе и польский, во главе которого стоит Казимеж Заморский. Он тоже агент американской разведки. Правда, звания его я не знаю.

К. Кажется, он в прошлом был связан с деятельностью «двойки»?

Ч. Да, будучи еще студентом, он начал с довоенной «двойки». Затем был в «двойке» 2-го корпуса на Ближнем Востоке. Между прочим, там у него произошла ссора с Троцанко, нынешним редактором «Свободной Европы». Троцанко написал какие-то ехидные стишки в адрес одного из командиров. Началось следствие, в котором, разумеется, как сотрудник «двойки» принимал участие Заморский. В результате, когда выяснили, кто был автором этих стишков, между Заморским и Троцанко вспыхнула ссора, закончившаяся будто бы дракой. Во всяком случае, с того времени они не терпят друг друга.

К. Да, это, конечно, не создавало предпосылок для хороших взаимоотношений между ними. Итак, вы попали в главное подразделение радиостанции «Свободная Европа», в котором сосредоточены именно разведывательные функции радиостанции.

Ч. Да. Как я уже говорил раньше, главной задачей департамента является сбор разного рода материалов и ведение картотеки на всех людей, занимающих ответственные посты в социалистических странах. На журналистов, на-

учных работников, писателей также заведены там досье. На вас, между прочим, в «Свободной Европе» также имеется довольно толстое досье. Я даже сам несколько раз заносил в него различную информацию.

Картотека польского отдела департамента насчитывает в настоящее время приблизительно 60 тысяч досье на различных лиц, работающих в учреждениях Польши.

К. Почему же, на ваш взгляд, имея довольно солидную разведывательную службу, «Свободная Европа» в своих передачах иногда несет такую чепуху, которая не выдерживает никакой критики?

Ч. Причина здесь одна: большинство сотрудников радиостанции — это люди, плохо знающие подлинное положение дел в Польше.

К. Видимо, правильно оценить факты им мешают определенные антикоммунистические догмы?

Ч. Да, они придерживаются определенных схем, давно устаревших. Кроме того, большинству сотрудников просто не хватает образования.

К. Думаю, Анджей, мы не будем принимать к сердцу кадровые заботы «Свободной Европы».

Ч. Конечно.

К. У нее и так слишком много забот в данный момент, особенно после того, как на пресс-конференции вы привели ряд фактов.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От издательства	5
Я. Кольчинский. Возвращение капитана	13
С. Шоф. Час правды, или радиointервью ка- питана Анджея Чеховича	24
Введение	—
Дорога в Мюнхен	25
Первый контакт	32
В «Энглишер Гартен»	39
Информаторы	46
Господин Новак и компания	53
Наш человек в Мюнхене	56
Б. Роменский. Капитан Чехович задание выполнил! <i>(Беседа с капитаном Чеховичем в редакции газеты «Трибуна люду»)</i>	64
Введение	—
«Свободная Европа» — орган американ- ской разведки	68
Добыто много документов	73
Я. Рущиц. Закулисная сторона кампании. <i>(«Трибуна люду», 28 марта 1971 года)</i>	79
Б. Свенткевич. Встречи с офицером раз- ведки. <i>(Беседы в редакции газеты «Жолнеж вольности»)</i>	85
Польский офицер капитан Чехович	—
Странички из биографии	87
Цена разведывательной операции	90
Является ли капитан Чехович кадровым разведчиком?	92
Неудобная радиостанция	97
В США безопасней	100
В. Шимандерский. Наш человек в «Сво- бодной Европе» <i>(Беседа в редакции еже- недельника «Перспективы»)</i>	110

Л. Заремба. «Свободная Европа» и молодежь. (Беседа в редакции газеты «Штандар молодых»)	117
Я. Радоминьская. Большая игра Анджея Чеховича. (Беседа в редакции журнала «Кулисы»)	126
Я. Кольчиньский. Перед телевизионными камерами	134

Капитан Чехович задание выполнил!
Редактор *Соминский Е. М.*
Литературный редактор *Кобозева А. Г.*
Художник *Борисов П. А.*
Художественный редактор *Гречиго Г. В.*
Технический редактор *Коновалова Е. К.*
Корректор *Жильцова Т. В.*

* * *

Сдано в набор 8.12.71 г.
Подписано к печати 14.3.72 г.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Печ. л. 4¹/₂.
Усл. печ. л. 5,265. Уч.-изд. л. 5,070
Бумага типографская № 2
Тираж 100.000. Цена 26 коп.
Изд. № 10/5464 Зак. 814

* * *

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР.
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6,
проезд Скворцова-Степанова, дом 3